

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#4 2020

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

Акоп Погосович
Назаретян (1948-2019):
Памяти мыслителя

Образовательная
инклюзия детей
мигрантов

Концептуальная модель
социальной памяти
молодежи

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им.Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, зав. сектором социальной философии Института философии РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

выпускающие редакторы номера –

Н.Г. Багдасарьян, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

С.В. Шешунова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики Государственного университета «Дубна»

С.Г. Бунина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права Государственного университета «Дубна»

Д.В. Ющенкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Содержание

Социальные проблемы и стратегии их решения

- Козлова М.А.* Образовательная инклюзия детей мигрантов в идеологических установках школьных учителей..... 3
- Моталов Ю.Г.* Влияние COVID-19 на процессы европейской миграции..... 18

Личность в условиях социальных перемен

- Король М.П., Молдагали Ж.Х.* Онлайн образование в Казахстане: национальная модель 28
- Толеш А.* Массовизированные процессы в кризисную эпоху: проблема управления..... 35

К методологии исследования социальной памяти

- Седова Л.И.* Концептуальная модель социальной памяти молодежи: методологический подход..... 45

Памяти мыслителя

- Багдасарьян Н.Г.* Универсальная история как образ жизни..... 57
- Шимон И.Я.* Вселенная Акопа Погосовича Назаретяна..... 64
- Карнацкая Л.А.* Акоп Назаретян – человеческое в великом. 72
- Сажинко Е.В.* Прогностические идеи А. П. Назаретяна: два года спустя 77

Социальные проблемы и стратегии их решения

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-3-17

УДК 316.022.2

М. А. Козлова

Образовательная инклюзия детей мигрантов в идеологических установках школьных учителей¹

Аннотация:

Проблемы включения представителей этнических меньшинств в принимающие общества в современных исследованиях зачастую связываются не столько с явной дискриминацией, сколько с вопросами о способах осмысления большинством культурного и этнического разнообразия. Институт образования, в частности школа, является одним из ключевых каналов инклюзии этнических и культурных групп. В связи с этим в статье предпринимается попытка эксплицировать дискурсивные практики школьных учителей в отношении инклюзивного образования детей, имеющих миграционный опыт. Мы стараемся ответить на вопрос о том, каким образом интерпретация педагогами культурных различий и целей образовательной инклюзии детей мигрантов отражается на подходе к учебному процессу и характере социально-культурной инклюзии в целом.

Ключевые слова: образовательная инклюзия, дети, имеющие миграционный опыт, дифференциалистский расизм, дискурс, ассимиляция мигрантов

Об авторе: Козлова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, академический руководитель магистерской программы «Социология публичной и деловой сферы»; эл. почта: makozlova@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 20-011-00870 «Социальная инклюзия в системе оснований интеграции российского общества: сравнительный анализ ценностей и практик в институциональных и неформальных контекстах».

Актуальность проблемы обучения детей мигрантов в российских школах

Интенсивный рост миграционных потоков начался в России в 90-х гг. XX в. Если вначале это была репатриационная миграция русского и русскоязычного населения из государств бывшего СССР, то с 2000-х гг. миграция становится экономической, и в миграционных потоках начинают преобладать трудовые мигранты [3]. В числе иммигрантов около 95 % составляют выходцы из стран СНГ (Беларуси, Украины, Молдовы, стран Закавказья, Казахстана и Средней Азии), однако в последние годы численным преимуществом обладают выходцы из стран Средней Азии: Узбекистана и Таджикистана [3; 4]. Ресурс близких в этнокультурном отношении мигрантов из стран постсоветского пространства уже практически исчерпан [3; 7]. Поэтому на первый план должны выходить вопросы снижения выбываемости мигрантов и повышения «приживаемости» в стране в противовес культурной и социальной изоляции, которая может привести к нарастанию негативного отношения к мигрантам со стороны принимающего общества [7].

С большей вероятностью мигранты могут принять решение о том, чтобы остаться в принимающей стране, если миграция осуществляется как коллективное семейное действие. Дети мигрантов, обучающиеся в школах, могут стать не только перспективными участниками рынка труда, но и проводниками культуры как в своей семье, так и проводниками культуры страны, где они обучались, при переезде на историческую родину или в другую страну, если такое решение будет принято [5]. Кроме того, образование и профессиональная подготовка становятся ключевым фактором экономической и социальной интеграции иммигрантов и их потомков в принимающих странах [11; 16; 19]. Соответственно, образовательная инклюзия детей, имеющих культурный опыт, отличный от большинства, может быть инструментом конструирования гражданской и этнокультурной идентичностей, консолидации представителей различных культурных групп в общегосударственном контексте, конструктивной интеграции населения.

Как показывает опыт оценки школьной успеваемости по результатам масштабных мониторингов, таких как TIMSS/PIRLS и PISA, в большинстве стран, высоко привлекательных для мигрантов (ОЭСР), дети-иммигранты отстают в успеваемости от детей представителей большинства более чем на два года [16; 19]. Более того, в ряде стран дети-иммигранты второго поколения демонстрируют не лучшие показатели, чем дети-иммигранты первого поколения, поскольку семьи мигрантов, как правило, ориентированы на обучение детей в школах с более низкими показателями академической успешности и конкурентоспособности учащихся, часто характеризующиеся неблагоприятными

явлениями и условиями в классах. В подавляющем большинстве стран, включенных в исследование PISA, по меньшей мере 25 % детей-иммигрантов второго поколения посещали школы, в которых иммигранты составляли более 50 % от общего числа учащихся [16].

Однако данные, полученные российскими исследователями, демонстрируют противоречивую картину. В частности, проведенное в школах Санкт-Петербурга исследование академической успеваемости и образовательных планов позволило заключить, что «в то время как этнический статус не влияет на оценки школьников, он значимо связан с образовательными планами: иноэтнические ученики чаще намереваются поступать в вуз. Мигранты же более успешны в школе, чем не-мигранты, но не отличаются от детей, родившихся в Петербурге, своими образовательными планами» [6, с. 241]. Цитируемые авторы объясняют отличие российской ситуации от результатов исследований, проведенных в Европе и США, различием структурных условий. В частности, отсутствием пространственной сегрегации мигрантов в российских городах, соответственно, фактической инклюзивностью российских школ в отношении детей мигрантов и «видимых меньшинств». Однако опубликованная в 2018 г. статья основана на данных, собранных в 2011 г. [6]. С тех пор, как было продемонстрировано выше, изменилось «лицо» трудовой миграции в РФ (выросла доля «культурно-далеких» мигрантов, а также людей с низким уровнем образования, изначально ориентированных на низкоквалифицированный труд). Произошли также изменения в структуре расселения мигрантов на территории крупных российских городов и сегодня можно говорить, если не о геттизации, то, по крайней мере, о выраженности предпочтений в выборе мигрантами районов проживания, обусловленных низкой престижностью и, соответственно, более низкой стоимостью жилья. В результате такого рода изменений трансформируется и состав учащихся в российских школах. Так, основываясь на результатах нескольких исследований, проведенных в школах Подмосковья и Томска, Е. Деминцева показывает, что дети трудовых мигрантов попадают, как правило, в школы, которые еще в советские годы были ориентированы на обучение детей из низкостатусных семей и носили неформальный статус маргинальных учебных заведений. Так в российских городах появляются «мигрантские» школы [2]. Это позволяет предположить, что, воспроизводя ситуацию, ранее фиксировавшуюся в Европе и США, формирование «мигрантского сектора» в школьном образовании ведет к снижению академической успешности детей мигрантов, закрепляет образовательное неравенство и, соответственно, ограничивает шансы детей мигрантов на

восходящую социальную мобильность и, в конечном счете – на полноправную интеграцию в российское общество.

Учителя как акторы социальной инклюзии детей-мигрантов

Эмпирически фиксируемая ситуация требует не только существенной коррекции методологических ориентиров образовательной системы, но ее «идеологической» перенастройки. Перед современными образовательными учреждениями стоят сложные задачи приобщения всех вовлеченных в образовательный процесс акторов (родителей, педагогов, администрации, учащихся) к идее разнообразия. Решение этих задач требует поощрения всех участников процесса к определению общих проблем, обучения педагогического состава работе в сложных условиях разнообразия, управления конфликтами норм и ценностей, реагирования на потребности в адаптации, демонстрации гибкости и креативности в устранении и предупреждении любого риска дискриминации, поощрения сотрудничества между всеми участниками образовательного процесса [8].

Учителя, разумеется, играют особую роль, поскольку они должны не только помогать учащимся с миграционным опытом адаптироваться в новом образовательном контексте, но и работать со всем классом, чтобы способствовать межкультурному обмену, взаимному уважению, поддержке образовательного климата социальной справедливости [13]. Отношение педагогического коллектива к образовательной инклюзии всех детей, имеющих особые учебные потребности, в том числе обусловленные культурным бэкграундом, отличным от большинства, может способствовать или препятствовать реализации соответствующей политики, определяя успешность сотрудничества всех участников образовательного процесса в ходе реализации инновационных учебных программ [9]. Это придает исследованию установок учителей по отношению к образовательной инклюзии особую значимость.

В представленной статье предпринята попытка взглянуть на повседневность образовательной инклюзии детей мигрантов глазами учителей, непосредственно включенных в работу с ними. На этой основе мы попытаемся эксплицировать ценностно-нормативные установки учителей в отношении учеников, имеющих миграционный опыт, а также рассмотреть комплекс вопросов, связанных с представлениями учителей об условиях, перспективах и барьерах их профессиональной деятельности в контекстах, нацеленных на адаптацию детей мигрантов к условиям российской школы и интеграции в российское общество.

Организация и метод исследования

Эмпирическое исследование установок учителей общеобразовательных школ осуществлено с применением метода полуструктурированного интервью.

Гайд интервью включал следующие блоки:

1. Биографическая ситуация информанта (в данный блок включены вопросы о должности и стаже работы в образовании в целом и в конкретном учебном заведении, об общей оценке учебного заведения, условий работы, педагогического коллектива и учащихся).

2. Опыт работы с детьми мигрантов. В рамках этого блока информанту предлагалось рассказать об актуальной ситуации и опыте работы с детьми мигрантов, для которых государственный (русский) язык не является родным. Информант побуждался интервьюером к описанию как конкретных ситуаций взаимодействия с ребенком-инофоном и членами его семьи, так и к обобщенным оценкам хода и результатов образовательного процесса в классах, где присутствуют дети мигрантов. В заключении этого блока следовали вопросы об актуально реализуемых и желательных, по мнению информанта, формах и ресурсах педагогической деятельности, направленной на облегчение адаптации и интеграцию детей мигрантов.

3. Взаимоотношения с родителями (в этот блок объединены вопросы, побуждающие информантов к описанию форм работы, барьеров и достижений в работе с родителями-мигрантами, а также вопросы, направленные на получение информации об оценках учителями повседневных воспитательных практик родителей-мигрантов).

4. «Экспертная оценка ситуации» (этот блок предполагал ознакомление информантов с выдержками из ФЗ «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» и Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). Поскольку представляемые информанту выдержки включали абстрактные формулировки, они формировали своего рода проективную ситуацию, оценивая и комментируя которую информант высказывал собственные оценки миграционной ситуации и перспектив ее изменения, а также собственные представления о возможностях школы в содействии адаптации и интеграции детей мигрантов).

В ходе анализа транскриптов интервью осуществлялось вычленение набора категорий и кодов (открытое кодирование подходящих единиц анализа), характеризующих

интерпретации культурных различий педагогами, их видение процесса социально-культурной инклюзии в ходе обучения детей, имеющих миграционный опыт.

Интервью проводились с учителями, проживающими и работающими в школах Москвы и Московской области, поскольку именно этот регион на протяжении всего постсоветского периода представлял наибольшую привлекательность для мигрантов. Соответственно, учителя именно этого региона имеют наиболее продолжительный опыт работы с детьми мигрантов. Работа велась до «насыщения поля» – появления содержательно повторяющихся ответов. Собрано 16 интервью, из них 6 с учителями начальных классов (1-4 классы), 10 – с учителями-предметниками, ведущими занятия в средней и старшей школе (5-11 классы). Среди информантов 14 женщин, 2 мужчин, двое участников моложе 30 лет, остальные находятся в возрастном диапазоне от 30 до 45 лет. Таким образом, состав участников, в целом, отражает демографический состав учителей российских школ².

Полученные результаты и их обсуждение

Представим полученные результаты, уделив особое внимание установкам учителей по отношению к образовательной инклюзии детей мигрантов и культурном разнообразии в целом, а также предлагаемым ими мерам оптимизации процессов адаптации детей, имеющих миграционный опыт.

Наши информанты оценивают академическую успеваемость детей мигрантов, в целом, как более низкую по сравнению с успеваемостью детей представителей принимающего общества: *«(Насколько эффективно проходит обучение детей мигрантов? Есть ли примеры успеха?) На моей памяти, нет. В этом году будет выпускаться. Предварительно, не очень успехи, честно говоря»* (ж., учитель истории и обществознания).

Объясняют отсутствие академических успехов учителя:

- различием школьных программ в целом и программ отдельных дисциплин: *«Учеба в их родных странах строится совершенно иначе, даже некоторых предметов нет. Вот, например, у казахов (у нас учится девочка), у них нет обществознания. А девочке для поступления в университет нужно сдавать этот предмет.*

² По данным TALIS [13] за 2018 г., доля учителей в российских школах в возрасте от 30 до 45 лет составляла 44-48 % от общего количества, учителей старше 60 лет - 9-13 %, младше 30 лет – 10-14 %; 86 % учителей – женщины, при этом в начальной школе встретить педагога-мужчину практически нереально, а в старшей и средней их число не превышает 12-14 % от общего педагогического штата.

Соответственно, конечно, очень большие проблемы <...> Ребенок пришел уже в старшую школу, и приходится осваивать новую для него программу, собственно, те предметы, которых у него не было в предыдущей школе. Из-за этого успехи не очень высокие» (ж., учитель истории и обществознания).

- недостаточным знанием непосредственно русского языка: «дети учатся на неродном языке, дети учатся многим предметам, базирясь на русском, который не является для них родным. И с этим связаны определенные сложности. То есть, ребенку мало того, что нужно усвоить новый материал, который преподается на неродном языке, ему надо, надо как-то (смеется) «сконnectить» все это в своей голове. Этот вот вечный перевод в голове с одного языка на другой, и уложить эти новые знания как-то. Конечно, проблема есть» (ж., учитель английского языка).
- совокупным действием факторов низкого уровня владения русским языком и культурных особенностей мигрантов: «многие из них в принципе не готовы к тому, как мы живем здесь <...>. Поэтому тем, кто нацелен на успех – хочет получить хорошее образование, соответственно, дальше – хорошую профессию, наверное, должны какие-то курсы проводиться, какое-то дополнительное обучение, во-первых, для взрослых, для родителей, чтобы они понимали вообще как устроена система обучения России, потому что там, наверняка, все отличается, и, кроме этого, вот, знаете, проходят ведь «школу для будущих мам», а здесь, знаете, «школа для будущих ... новых россиян!»), где они будут учиться взаимодействию, взрослые будут пополнять свой словарный запас, а потом помогать своим же детям получать это российское образование. Без этого, мне кажется, никак. Потому что очень сильно влияет менталитет, очень сильно влияет образование, которое они там получили, очень многие не готовы, в принципе, менять уклад жизни, особенно те, кто всю жизнь прожил по определенным там правилам и сюда приехали, а они не готовы, и многие, с горячей своей кровью, не готовы к тому, что учитель им какие-то замечания делает, особенно, когда с папами разговор происходит, очень часто сталкиваемся с тем, что у них болезненная реакция на замечания!» (ж., учитель начальных классов).

В частности, низкую учебную мотивацию детей мигрантов учителя интерпретируют как следствие культурных особенностей: «конечно, эти дети представляют собой совершенно иную культурную среду. Другие совершенно порядки в школе. Традиции часто не понятны детям, для них чужие» (ж., учитель истории и обществознания). Роль

родителей учителя видят, в первую очередь, в мотивировании ребенка к учебе и адаптации в новой для него культурной среде: *«Родители сами должны понимать, что они оказались в новой культурной среде, поэтому они всячески должны стимулировать ребенка к тому, чтобы он интересовался новой культурой, традициями, которые в этом обществе»* (ж., учитель истории и обществознания).

Однако поскольку, по мнению учителей, родители сами недостаточно осознают важность аккультурации, в них учителя и видят основную причину недостаточно высокой успеваемости и социально-психологической адаптированности детей-инофонов: *«Есть у меня две девочки, которые в школу приехали из Армении. Там они говорили на своем, сюда они приехали, очень плохо зная русский язык, и знаю, что одна девочка, ну там очень ревностное отношение к своему языку у родителей, и там они считают, что вот я армянин, и я говорю на своем языке. Из-за этого очень серьезный барьер языковой <...> Т.е. пока взрослый человек сам не увидит проблемы своего ребенка, мы помочь не сможем. <...> тут, наверное, большую роль играет менталитет, воспитание, которое они получили там, я сейчас говорю о взрослых людях, о родителях <...> я много знаю разных национальностей, у меня очень много знакомых, и я, по крайней мере не раз сталкивалась с тем, что у их детей, вот, куда ветер дунул, туда и пошел. Встречалась с такими ситуациями, когда родители считают, «как-нибудь, что-нибудь...»»* (ж., учитель начальных классов).

Один из информантов «сократил» эту причинно-следственную цепь, обозначив в качестве основания низкой академической мотивированности детей мигрантов непосредственно этнокультурную идентичность: *«Они отлично себя чувствуют и вообще не переживают из-за того, что могут не сдать экзамен. И, ну ... даже, с какой-то агрессией воспринимают стремление учителя побудить к сдаче экзамена. Проявляют лень, и безответственность, не читают произведения, потому что часто считают, что культура той страны, в которой они живут сейчас, для них малоинтересна. Они гордятся тем, что они азербайджанцы и очень часто говорят, что я не сделал, потому что..., или плохо написал сочинение, потому что на выходные или на каникулы ездил в свою родную страну, и мы там не говорили по-русски, у меня не было времени. Ну, то есть, с сохранением чувства собственного достоинства, которое, на мой взгляд, является признаком бескультурья, и нежелания осваивать тот язык, который их окружает, и с которым им придется сталкиваться в процессе жизни в России...»* (ж., учитель русского языка и литературы).

В интерпретации успехов, напротив, велика роль индивидуальных – культурно-независимых – факторов, более того, преодоление культурных различий интерпретируется как ключевой фактор успеха: *«Многие из них <детей мигрантов> далеко не глупые и даже одаренные, и весьма одаренные, люди, которые так же стремятся, которые адекватно совершенно воспринимают действительность, не чувствуют себя «белыми воронами», то есть, наоборот, их определенная уникальность и заведомо непривилегированное положение, подстегивает их, я бы сказал. Конечно, есть. Но, опять-таки, есть и противоположные примеры. Не думаю, что в данном случае огромное значение имеет национальная принадлежность. Это все-таки обычные человеческие явления»* (м., учитель истории).

Ассимиляция «инокультурных элементов», заключающаяся в идеале в нивелировании культурных (в первую очередь, языковых и религиозных) особенностей, или, как минимум, в сглаживании межкультурных различий, представляется учителям желаемым, но нереалистичным результатом школьного обучения: *«То есть, может этнический русский хорошо, скажем так, быстро улавливает какие-то аспекты, потому что они привычны ему с детства. Иностранец, условный опять-таки, он эти вещи ввиду культурных различий, например, недопонимает. Ввиду каких-то своих религиозных, кстати, убеждений. И, опять-таки, установок из дома, которые родители, приверженцы не православия устанавливали ему. В таких случаях нужно, конечно, более детально прорабатывать какие-то моменты, и, таким образом, мы сможем избежать серьезного различия между культурами и добиться понимания и тех, и других, что, думаю, было бы положительным. Так, теоретически только»* (м., учитель истории).

Таким образом, ключевой паттерн школьных учителей, определяющий отношение к детям мигрантов, - склонность к эссенциализации этничности. *«Риски заключаются в том, что миграционный поток не контролируется, и очень часто приезжают люди, не отдающие себе отчет в действиях. То есть, они применяют в России приемы общения или поведение, которые для них были привычны в их среде. Это очень часто идет вразрез с национальными традициями. Когда человек необразованный, не знает, как должно себя вести в чуждой ему культурной среде, это неправильно. Это рискованно для русского человека»* (ж., учитель русского языка и литературы). В приведенной цитате ориентация мигрантов на культуру исхода интерпретируется как нечто, сходное с психическим расстройством (*«приезжают люди, не отдающие себе отчет в действиях. То есть они применяют в России приемы общения или поведение, которые для них были привычны в их*

среде»), следовательно, как сложнопреодолимый фактор, не только снижающий шансы мигрантов на достижение успеха в принимающем обществе, но и делающий их опасными для этого принимающего общества (*«рискованно для русского человека»*).

Приписывание культуре фиксированного и неизменного набора свойств и оценка сущностей, обладающих разными свойствами как «несоединимых», закономерно проявляется в оценивании других культур посредством критериев собственной, что в некоторых случаях проявляется в неприкрытом этноцентризме: *«только в том случае, если они уважают мою культуру и мои традиции, они имеют право находиться в моей стране»* (ж., учитель русского языка и литературы) и ксенофобии: *«я считаю, что этот (миграционный) поток нужно немножечко остановить, потому что, если статистику слушать, у нас участились преступления именно с участием нерусских людей, они достаточно вальяжно и достаточно нагло начали вести себя здесь»* (заметим, что, поскольку упоминание национальности правонарушителя запрещено с 2012 г., упомянутая информантом «статистика» отражает исключительно его личную интерпретацию). Продолжение высказывания - *«недалеко от нашего сада было общежитие для мигрантов. И там эти огромные автобусы, которые их с утра увозили, вечером привозили, и несколько было случаев, когда даже такие народные дружины в нашем районе тогда образовывались, потому что, когда стоят толпы шумных, горячих, ничего не понимающих на нашем языке, кричат, говорят, страшно было пройти сквозь такие толпы»* (ж., учитель начальных классов) - демонстрирует выраженную воспринимаемую угрозу, источником которой, по сути, является непонятность языка и поведения мигрантов.

В случае, когда ожидания «не оправдываются», т.е. ребенок-инофон демонстрирует академические успехи, на помощь в «нормализации ситуации» приходит имплицитно концептуализируемый «этнокласс»³. Редкие, по оценкам учителей, случаи академической успешности детей мигрантов объясняются внеэтническими – социально-экономическими – факторами: уровнем образования родителей и принадлежностью семьи к «среднему классу»: *«Нет, есть, конечно, дети... дети успевающие. Но чаще всего у них родители более образованные, и в семье говорят не только на родном языке, но и на русском языке,*

³ Введенный в научный оборот в конце 1990-х гг. М. Гордоном термин «этнокласс» [12] стал своего рода компромиссом, примирившим позиции, настаивающие на приоритете «этничности» [10] или «классовости» [15] в формировании социальной идентичности индивида и, в конечном итоге, в выборе и реализации жизненных стратегий. Однако имплицитная концептуализация «упраздняет» «модерирующую» роль идентичности и предлагает интерпретацию поведения, исходя непосредственно из этнокультурной и/или стратификационной категории, к которой субъект интерпретации относит те или иные социальные объекты.

причем успешно. Конечно, дети целеустремленные, и допустим, в других дисциплинах показывают лучшие результаты. Там в биологии, в физике, допустим» (ж., учитель русского языка и литературы)

Оформившаяся в повседневном опыте учителей интерпретация причин академической успешности/неуспешности детей мигрантов предполагает видение этнокультурных факторов, как мешающих получению образованию, случаи же академической (у детей) и профессиональной/карьерной (у их родителей) успешности объясняются «освобождением» индивида от влияния культуры исхода. Таким образом, образование как «идеальный тип», видится педагогам как «свободное от культуры» получение знаний. С одной оговоркой – все это не относится к русской культуре. «Освободиться» ребенок должен от нерусской культуры, а освоение русской культуры, напротив, рассматривается как надежный базис успеха. Причем только в случае, если она интериоризована, усвоена с «молоком матери»: *«Конечно, дети целеустремленные и в других дисциплинах показывают лучшие результаты <...> Но русский язык на уровне носителя языка, человека, который думает на этом языке, на котором ему с детства читали сказки, <освоить> конечно же, он не может» (ж., учитель русского языка и литературы).*

Обозначенные интерпретации воспроизводят логику дифференциалистского расизма [1], который – часто декларируя «благородные» цели (сохранения многообразия традиционных культур, государственной безопасности и т.п.) – укрепляет межгрупповые границы и, соответственно, идейно исключает саму возможность инклюзии в образовательном пространстве и поликультурализм в разных контекстах межгруппового взаимодействия: *«Каких-то определенных условий для них я не создаю, и, насколько я знаю, другие учителя тоже практически не создают таких условий. Потому что все-таки их обучение сейчас происходит в России. И это было как бы их право переехать, т.е. родителей – перевезти своего ребенка в Россию, это значит, они должны быть готовы» (ж., учитель начальных классов).* Во многих ситуациях интервью установка на сегрегацию детей мигрантов рационализируется и оправдывается учетом интересов самого ребенка: *«Я очень хорошо отношусь к мигрантам, вообще к людям, но я хочу сказать, что дети, для которых русский неродной, должны обучаться отдельно от детей, для которых русский – родной. Потому что, когда они обучаются в русской школе, для них это страшное испытание и стресс, потому что они не могут показать себя с лучшей стороны, не находятся в состоянии успеха. Это прививает комплексы, для них это тяжело, это*

требует очень больших интеллектуальных затрат, и не всегда ребенок может хорошо учиться. Это вызывает раздражение и ненависть к учителям и среде, в которую они попали. Я считаю, что должны быть отдельные классы сформированы, если школа принимает на себя обязательство обучать таких детей» (ж., учитель русского языка и литературы).

Апофеоза логика дифференциалистского расизма в дискурсивных практиках учителей достигает в ситуации интервью, где информанту предлагается выйти за пределы непосредственного педагогического опыта и со своих позиций проанализировать актуальную образовательную и национальную политику:

«- Какие риски для российского общества несут миграционные потоки, на Ваш взгляд?»

- Риски только в плане смешения кровей, в этом плане, а так никаких рисков особо нет. Ну, может быть еще культурные тоже... Часто возникает межрасовое недопонимание...» (ж., 27 л.)

Здесь расизм, уже не прикрываясь «дифференциалистским», т.е. декларирующим право на сохранность культурной целостности и аутентичности, аспектом, приобретает характер традиционного, основанного на страхе генетического смешения, расизма. Как следствие – установки на сегрегацию детей мигрантов: *«(Как, на Ваш взгляд, родители-мигранты могут помочь своим детям?) Главное, что могут сделать родители – это отправить ребенка, для которого русский язык не родной, в ту школу, где его определяют в класс, где преподавать ему будут по отдельным программам, где русский – не родной <...> (но) они уверены, что ребенок сможет «потянуть». Амбиции и невежество! Они не понимают, что от ребенка будет требоваться на экзамене, и поэтому уверены, что он со всем справится»* (ж., учитель русского языка и литературы).

Заключение

Таким образом, полученные результаты позволяют выявить противоречивость ценностно-нормативных установок учителей в отношении паттернов поведения, которые оцениваются учителями в качестве «типичных» для детей, имеющих миграционный опыт, что оказывается непреодолимым препятствием на пути реализации идеи групповой интеграции. Дискурсивные и поведенческие практики «перевоспитания», «корректировки», направленные на культурно-опосредованные типизации жизненных миров детей мигрантов, происходят в связи с убежденностью некоторых педагогов в

необходимости реализации жесткой ассимиляционной модели. За такой моделью они видят эффективный способ преодоления противоречивых культурных коррелятов. Однако без осознанного отказа от стратегии ассимиляции меньшинств вряд ли возможно разрешение вопросов защиты индивидуальной свободы, выравнивания групповых статусов и выстраивание «агонального диалога» [18], в ходе которого принимающее общество и сообщества мигрантов включаются в непосредственную дискуссию друг с другом.

Ориентиры этого направления должна задавать комплексная система (пере)подготовки педагогов, способная связать теоретические и правовые измерения межкультурного образования с передовыми практиками, а также многомерная система мониторинга инклюзивности образовательной среды, всесторонне учитывающая сложности преподавания и обучения в поликультурном контексте, принимающая во внимание голоса всех участников образовательного процесса [14]. Иными словами, реализуемая в школах работа по обеспечению инклюзии и интеграции должна перестать выступать функцией доброй воли администрации учебного заведения и интуиции учителей, и начать основываться на конкретных идеях и ценностях интеркультурализма и реализовываться на основе конкретных программ с учетом и использованием конкретных (предсказуемых для всех участников образовательного процесса) профессиональных навыков и компетенций педагогов.

Библиографический список:

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Москва: Издательство «Логос», 2004. 72 с.
2. Деминцева Е.Б. От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2020. Т. 1. № 12. С. 152-182.
3. Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 59 с.
4. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 1 (37). С. 186-193.
5. Мукомель В. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: Московское бюро по правам человека, "Academia", 2014. 245 с.
6. Тенишева К.А., Александров Д.А. Неравенство в образовательных успехах и планах школьников: роль миграции, этничности и социального статуса // *Образование и социальная дифференциация: коллективная монография* / Отв. ред.: М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. Гл. 3.2. С. 226-247.
7. Трубин В., Николаева Н., Мякишева С., Хусаинова А. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения [Электронный ресурс] // Аналитический центр при

- Правительстве Российской Федерации. Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).
8. Формирование инклюзивной организационной культуры. Методическое руководство Совета Европы. М., 2016. 142 с.
 9. Avramidis E., Bayliss P., Burden R. Student teachers' attitudes towards the inclusion of children with special educational needs in the ordinary school // *Teaching and Teacher Education*. 2000. Vol. 16 (3). P. 277-293.
 10. Bell D. Ethnicity and Social Change // *Ethnicity: Theory and Experience* / In N. Glazer, D.P. Moynihan (eds.). Cambridge, 1975. P. 1-26.
 11. Berry J.W., Vedder P. Adaptation of Immigrant Children, Adolescents, and Their Families // *Childhood and Adolescence: Cross-Cultural Perspectives and Applications* / In U. Gielen, J. Roopnarine (eds.). New York: Praeger, 2015. P. 321–346.
 12. Gordon M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins / цит по: Sollors W. Foreword: Theories of American Ethnicity // *Theories of Ethnicity: a Classical reader*. N.Y., 1996. P. 10–35.
 13. Jokikokko K., Uitto M. The Significance of Emotions in Finnish Teachers' Stories about Their Intercultural Learning // *Pedagogy, Culture & Society*. 2017. Vol. 25 (1). P. 15–29.
 14. Kiel E., Syring M., Weiss S. How Can Intercultural School Development Succeed? The Perspective of Teachers and Teacher Educators // *Pedagogy, Culture & Society*. 2017. Vol. 25 (2). P. 243–261.
 15. Sollors W. Foreword: Theories of American Ethnicity. N.Y.: New York University Press, 1996.
 16. Stanat P., Christensen G. Where immigrant students succeed. A comparative review of performance and engagement in PISA 2003. Paris: OECD, 2006.
 17. Teaching and Learning International Survey [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/education/talis/> (access: 20.11.2020).
 18. Tully J. Public Philosophy in a New Key. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
 19. Where immigrant students succeed - A comparative review of performance and engagement in PISA 2003 [Electronic resource]. Release date: 15 May 2006. URL: <http://www.oecd.org/edu/school/programmeforinternationalstudentassessmentpisa/oecdeducationssystemleavemanyimmigrantchildrenflounderingreportshows.htm> (access: 20.11.2020) (access: 20.11.2020).

Kozlova M. Educational inclusion of migrant children in the ideological attitudes of school teachers

The problems of inclusion of representatives of ethnic minorities in host societies in modern studies are often associated not so much with explicit discrimination, but with questions about the ways in which the majority understands cultural and ethnic diversity. The education, in particular the school, is one of the key channels for the inclusion of ethnic and cultural groups. In this regard, the article attempts to explicate the discursive practices of school teachers in relation to inclusive education of children with migration experience. We try to answer the question of how teachers' interpretation of cultural differences and of the goals of educational inclusion of migrant

children affects the approach to the educational process and the nature of socio-cultural inclusion in general.

Keywords: educational inclusion, children with migration experience, differentialist racism, discourse, assimilation of migrants

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-18-27

УДК 314.7

Ю. Г. Моталов

Влияние COVID-19 на процессы европейской миграции

Аннотация:

В статье анализируются последствия введения в связи с пандемией COVID-19 пограничного контроля и закрытия внешней границы ЕС и некоторых внутренних границ стран ЕС. Приводятся данные по влиянию принятых решений на развитие миграционных процессов в странах ЕС в ходе пандемии. Анализируя новую миграционную стратегию ЕС, автор указывает на ее высокие цели, материально-финансовое обеспечение социальной защиты мигрантов, но, в тоже время, справедливо отмечает, что забыты национальные особенности развития стран, принимающих мигрантов, не учтен этнический состав государств и, главное, отодвинуты на задний план социально-исторические и культурные практики, менталитет государствообразующих народов. Отсутствие в предложенной концепции системного подхода к вопросам развития социальных практик по интеграции мигрантов в принимающее европейской общество указывает на то, что недооценено влияние мигрантов на развитие стран ЕС.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, социальные системы, пандемия COVID-19, контроль на внутренних границах

Об авторе: Моталов Юрий Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна»; эл. почта: ugm77@yandex.ru

Пандемия COVID-19 оказала глобальное воздействие на все сферы жизни современных обществ. Многие эксперты называют современный кризис самым масштабным в XXI в. Негативные экономические последствия от пандемии ощущают на себе сотни миллионов работников по всему миру, в число которых входят и мигранты. По данным Международной организации по миграции (МОМ), в мире насчитывается порядка 272 млн. мигрантов, представляющих собой довольно разные социальные группы [3].

Сегодня население Европейского союза составляет более 500 млн. человек, 43 млн. из которых родились за пределами стран, в него входящих, причем основным центром миграционных потоков в течение последнего столетия в Европе была и остается Германия, в которой за это время осело более 10,1 млн. мигрантов. Ее население – третье в мире (после Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации) по числу проживающих в ней мигрантов. Далее следуют Франция (6,5 млн. мигрантов) и Великобритания (5,6 млн.). Испания (4,8 млн.) расположилась на шестом месте в данном рейтинге [4].

Пандемия, связанная с заболеванием, вызванным вирусом SARS-CoV-2, уже изменила жизнь людей во всем мире. Прогнозы ее последствий, даже с учетом того, что мир еще не вышел из кризисного состояния, носят весьма пессимистический характер. Как повлияла новая ситуация на жизнь мигрантов и чем вызвана актуальность данной темы исследования?

Во-первых, пандемия и меры, принимаемые по «закрытию» границ внутри ЕС от распространения SARS-CoV-2, прежде всего, резко сократили миграцию в страны ЕС. По предварительным данным, за первое полугодие 2020 г. приток мигрантов был вдвое меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Правительства по всему миру ввели ограничения на миграцию, включая абсолютный запрет на въезд в страну. Международная организация по миграции зафиксировала, что по состоянию на середину 2020 г. в общей сложности 216 стран установили более 45 300 ограничений на поездки, чтобы сдержать распространение COVID-19. Из 763 обследованных аэропортов по всему миру 69% были частично или полностью закрыты. Так же частично или полностью закрыто более 80% наземных пунктов пересечения границы. Введение закрытий и запретов привело к тому, что значительное число мигрантов, которые хотят, но не могут вернуться домой, оказались в затруднительном положении. К таким мигрантам относятся сезонные рабочие, иностранные студенты, обладатели временной визы и мигранты, которые приехали на лечение. Эти мигранты часто не имеют права на государственную помощь из-за своего миграционного статуса, в результате чего сотни семей оказываются в крайней нищете.

Во-вторых, по данным Евростата, количество мигрантов в Европе начало увеличиваться в 2014 г., впервые за последние 25 лет достигнув показателя в 627 тыс. человек [11]. Исследование международной миграции со стороны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) зафиксировало еще большие цифры, достигающие 783 тыс. беженцев, прибывших в ЕС в 2014 г. [6].

Настоящий миграционный взрыв произошел в 2015 г., когда, по разным оценкам, в страны Еврзоны прибыло более 1 млн. мигрантов [4]. В 2016 г. количество прибывших на континент мигрантов и беженцев сократилось до 390 тыс., в 2017 г. в Европу прибыли 186 тыс. 768 мигрантов и беженцев, 2018 г. — 156 тыс. 309. По данным пограничного контроля Европейского союза Frontex, за 2019 г. количество незаконных пересечений границы сократилось с 2018 г. на 6%, до чуть более 139 000. Это в 7,4 раза ниже рекордного числа 1 032 408 человек, зафиксированного в 2015 г., когда миграционные потоки достигли своего пика. По предварительным подсчетам, количество незаконных пересечений границы на внешних границах Европы снизилось на 21% за 10 месяцев 2020 г. до 87 500, в основном из-за сокращения числа прибывающих в Восточном и Западном Средиземноморье [10].

Количество мигрантов в Европе в 2020 г. превышает отметку в 1 800 000, и далеко не все из них остаются в развитых странах на законных правах. В 2019 г. официальными соискателями статуса беженца были признаны 1 100 000 человек. В 2018 г. около 672 300 человек получили гражданство одной из 27 стран, входящих в Европейский союз (ЕС), по сравнению с 700 600 в 2017 г. и 843 900 в 2016 г. Среди наиболее предпочтительных стран для мигрантов традиционно фигурируют Франция, Австрия, Италия, Швеция, Венгрия и Германия. И, по прогнозам, в ближайшем будущем ситуация вряд ли изменится - даже при условии восстановления экономики. В качестве одной из причин эксперты называют вызванную пандемией трансформацию рынка труда и растущий переход на дистанционную работу [2].

Поскольку миграционные процессы напрямую зависят от политико-правовых мер, принимаемых руководством стран ЕС по противодействию пандемии COVID-19, на наш взгляд, методологически будет правильно рассматривать эти вопросы в связи с решениями высших органов управления стран членов ЕС, соответственно, их влияния на жизнь мигрантов, в рамках тех миграционных моделей, которые уже существуют.

До сих пор в Европе трудовая миграция в основном осуществлялась из восточноевропейских стран в западные, но пандемия коронавируса заставила ситуацию измениться. Зарплаты на востоке ниже, но в регионе гораздо меньше, чем на западе, жертв COVID-19. Поэтому выходцы из Румынии, Сербии и Украины начали возвращаться домой. Из Украины, уехали более миллиона человек в одну только Польшу после того, как ЕС объявил о безвизовом режиме со страной в 2017 г. По оценкам Национального банка Украины, около 300 тысяч человек вернулись в страну из-за пандемии.

В свою очередь президент Сербии Александр Вучич заявил, что около 400 тыс. граждан вернулись за последние месяцы. Приток эквивалентен 6 % населения или пятой части рабочей силы. «Нам остается надеется, что после окончания кризиса мы будем проводить более успешную экономическую политику и большая часть людей, вернувшихся из-за границы на время пандемии, останутся в стране. Ожидается, что зарплаты в Европы значительно снизятся, поэтому рассчитываем, что они выберут Сербию и посвятят ей свои знания и энергию», – заявил Вучич [8].

Однако, как показывает практика, большинство бывших мигрантов уедут снова, как только ситуация стабилизируется. Показателен пример Болгарии — 360 тыс. граждан вернулись в страну с февраля 2020 г., но 285 тыс. уже уехали [12]. Уровень безработицы в Восточной Европе в настоящее время высок, но в Италии и Испании показатели еще хуже. Например, с момента вступления Румынии в ЕС в 2007 г. из страны уехали четыре миллиона граждан. Власти страны полагают, что, как минимум, треть из тех, кто вернулся, ищут работу. Специально для них уже запущена программа, предусматривающая выделение грантов в размере 40 тыс. евро на запуск фермерских хозяйств.

В докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), обнародованном 19.10.2020 г. отмечается, что в среднем, по странам членам ОЭСР, весьма высока доля мигрантов среди врачей – она составляет 24 %, а среди других медработников - 16 % [6]. То есть, можно сказать, что квалифицированный медперсонал оказался более чем уместен в ситуации коронавирусной эпидемии. На этом, в перечне положительного влияния миграции на ЕС в условиях пандемии можно, пожалуй, поставить точку. Положение большинства тех мигрантов, которые уже прибыли и находятся в странах ЕС, продолжает оставаться крайне удручающим.

Если обеспечение социальными выплатами мигрантов, официально зарегистрированных в институтах систем жизнеобеспечения ЕС, можно оценить на достаточном уровне, то другие стороны жизни мигрантов остаются проблематичными, и именно это привело к тому, что мигранты стали переносчиками вируса SARS-CoV-2. Особо высок риск тотального распространения коронавирусной инфекции среди мигрантов в странах Южной Европы. Именно в этих государствах мигранты часто живут в антисанитарных условиях, что является благоприятнейшей средой для COVID-19. Другие причины – это недисциплинированность южан и плохая организация в миграционных структурах [7].

Мигранты, особенно на низкооплачиваемой работе, могут быть в большей степени уязвимы для распространения COVID-19 в странах, уже затронутых эпидемией, и в тех странах, где распространяется пандемия, но мигранты также играют важную роль в ответных мерах на COVID-19, работая в критических секторах. По состоянию на 3 ноября 2020 г. эмигранты из 20 стран с наибольшим числом случаев COVID-19 составляли почти 28 % от общего числа международных мигрантов. Иммигранты составляли не менее 4,5 % населения в 12 из 20 стран с наибольшим количеством случаев COVID-19, и эта доля составляет более 10 % в 8 из этих стран. По сравнению с глобальной долей международных мигрантов, составляющей 3,5 % от общей численности населения, международные мигранты чрезмерно представлены в этих странах [6; 13].

Зачастую из-за стесненных жилищных условий доля зараженных SARS-CoV-2 среди мигрантов оказалась непропорционально выше. Исследования в ряде стран ОЭСР показали, что риск заражения коронавирусом в мигрантской среде был более чем в два раза выше, чем у коренного населения [7]. Система здравоохранения Европы оказалась не готова к пандемии COVID-19. Европейские страны занимают половину мест в первой десятке стран с наибольшим числом заразившихся SARS-CoV-2: Франция (2,14 млн инфицированных) находится на четвертой строчке, за ней следуют Россия (2,11 млн), Испания (1,56 млн), Великобритания (1,51 млн) и Италия (1,4 млн) [5].

Смертность из-за коронавируса в странах Европы также высокая: в Бельгии на 1 млн населения приходится более 1,3 тыс. умерших, в Испании - 911, в Италии - 825, в Великобритании - 809, во Франции - 746. В России этот показатель находится на уровне 248 [5].

И сегодня страны ЕС не продвинулись ни в создании определенных условий для борьбы с коронавирусом, ни в превентивном медицинском обслуживании. Евросоюз продолжает искать формы и методы борьбы с коронавирусной инфекцией. И ограничение миграции – это одна из мер по стабилизации обстановки внутри ЕС.

Общая миграционная политика ЕС охватывает такие направления, как миграция, беженцы и внутренняя безопасность. Первое включает проблемы легальной и нелегальной миграции и беженцев, интеграцию, прием и возвращение мигрантов. Второе – это борьба с организованной преступностью и терроризмом, сотрудничество полицейских ведомств стран – членов ЕС и обустройство внешних границ ЕС. Эта политика реализуется через межгосударственное взаимодействие и передачу ряда полномочий наднациональным

институтам, что ведет к ослаблению государственного суверенитета и в последнее время к разногласиям внутри ЕС [13].

Сегодня миграционные потоки внутри Европы — это, по сути, плохо контролируемая масса людей, а часто и вовсе неконтролируемая. В рамках ЕС мобильность таких потоков крайне высока, поскольку этому способствует принцип открытых границ. И все это совсем не состыковывается с основным механизмом борьбы с коронавирусом — социальным дистанцированием и локализацией очага заражения. В Европе поздно начали принимать меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, поэтому ужесточение условий миграции не способно в значительной степени повлиять на решение проблемы.

В первую очередь, ухудшение миграционного кризиса произошло из-за Шенгенского соглашения и Дублинского регламента. Согласно первому документу, погранконтроль осуществляется только на границах конкретной зоны, которая находится под наблюдением приграничных государств. Жители стран, подписавших соглашение, а также все, кто находится на их территории, пересекают границы быстрее. Дублинский регламент определяет ответственность стран за выдачу ходатайств о политическом убежище. Ответственным государством признается то, куда въехал беженец, где подал прошение и сдал отпечатки пальцев. Как только мигрант выехал в третью страну, ее правительство имеет право депортировать его. Против регламента выступили приграничные страны ЕС, поскольку через них мигранты стараются попасть в богатые страны Европы. Чехия, Польша, Словения, Словакия, Венгрия, Хорватия бойкотируют требования ЕС по расселению и содержанию мигрантов [9].

Миграцию в ЕС нельзя назвать исключительным явлением. За все время своего существования Евросоюз принял сотни тысяч мигрантов из разных стран мира. Однако ему удавалось контролировать потоки приезжих, решая за их счет свои внутренние проблемы, вызванные:

- общим старением населения;
- нехваткой профессиональных кадров;
- ухудшением демографической ситуации;
- дороговизной рабочей силы.

Однако сегодня в условиях пандемии назрела необходимость изменения подходов к организации влияния на миграционные процессы в Европе. Новую попытку преодолеть раскалывающий Евросоюз миграционный вопрос сделала Еврокомиссия (ЕК). В сентябре

2020 г. ее глава Урсула фон дер Ляйен представила новую миграционную стратегию, призванную снять острейшие противоречия в ЕС между «южанами» и «северянами» о справедливом распределении миграционного бремени.

Столкнувшись во время миграционного кризиса 2015 г. с явным дефицитом солидарности в ЕС, ряд стран-членов наотрез отказались принимать у себя часть из захлестнувшей периферию «единой Европы» 1,8-миллионной волны беженцев - в Брюсселе запоздало осознали всю бесперспективность давления на «ренегатов» в своих рядах. Прессинг не сработал ни в случае штрафных процедур в отношении Венгрии, категорически отказавшейся от приема мигрантов по быстро разработанной системе квот, ни признание Европейским судом Польши и Чехии виновными в нарушении исполнения обязательных решений Евросовета по расселению беженцев.

С принятием новой миграционной стратегии, страны-члены ЕС, отказывающиеся распределять мигрантов на своей территории, отныне обязаны включиться в «спонсорство» - предоставить финансовую и логистическую поддержку для депортации нелегалов из государств на внешних границах блока. К их числу, прежде всего, относят Грецию, Италию и Испанию, находящиеся на пути восточно- (из Турции), центрально- (из Ливии) и западноредиземноморских (Алжир, Марокко) миграционных маршрутов [12].

Благие цели новой миграционной стратегии игнорируют многочисленные издержки настоящего и будущего. Многие страны ЕС вовсе не имеют опыта миграционной политики и не желают его приобретать. Например, Польша мононациональна на 98 %, Чехия – на 95 %, Венгрия – на 93 % [13]. Имеющиеся национальные меньшинства – европейцы во многих поколениях, ментально и культурно близкие соотечественники. Названные страны весьма ценят свою национальную однородность, как выгодное наследие сталинской эпохи. В Прибалтике бывали африканские туристы, но не бывало африканских сограждан. Они не владеют русским языком, это прекрасно. Но и местными языками, культурой и менталитетом им овладеть гораздо сложнее, чем потомкам «оккупантов».

Выводы

Пандемия COVID-19, поразившая мир, положила конец эйфории глобализации. В истории нет прецедентов подобной пандемии, ведь она охватила все страны и субъекты, а не ограничилась отдельными территориями и континентами, как бывало прежде. Она ускорила некоторые прежние тенденции, хотя не приведет, по крайней мере, сама по себе, к фундаментальному изменению миграционных потоков, баланса сил на международной

арене. Пандемия ярко показала столкновение двух глобальных экспектаций: мигрантов и аборигенов.

Сложившаяся в ЕС ситуация говорит о том, что, несмотря на влияние миграционных процессов на все без исключения стороны жизни, во всех странах ЕС политическая элита до сих пор считает, что можно выработать не единую концепцию влияния на миграционные процессы, которая должна включать много векторный подход, а единый алгоритм поведения всех стран Европы, забывая о национальных особенностях развития стран, этническом составе, историческом и культурном менталитете.

Отсутствие в предложенной концепции системного подхода к вопросам развития социальных практик по интеграции мигрантов в принимающее европейское общество, институализации этого процесса, исключение из этого процесса учета интересов принимающих государств и т.д. – говорит о продолжающемся непонимании управленческой и политической элиты ЕС вызова, который перед ними поставила миграция в условиях пандемии COVID-19, а именно – сохранение и укрепление ЕС не путем «давления и пробивания» своих решений, а путем поиска взаимоприемлемых решений, прежде всего, среди стран членов ЕС. Причем, результаты интеграции мигрантов в одной области – например, в области языка, образования, вступления на рынок труда, воссоединения семьи, натурализации и т.д. - повлияют на другие области, и это надо обязательно прогнозировать и учитывать при принятии решений. Гибкая миграционная политика, опирающаяся на возможность вариативности принятия решений, может повлиять на восстановление и преодоление последствий кризиса.

Библиографический список:

1. Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Не одичать в «осыпающемся мире» [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2020. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/> (дата обращения 15.01.2021)
2. Беженцы и мигранты. Отдел народонаселения департамента по экономическим и социальным вопросам Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://refugeesmigrants.un.org/ru/infographics> (дата обращения 23.11.2020).
3. Глобальный портал миграционных данных, Международная организация по миграции, Организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019 (дата обращения 28.11.2020).
4. Доклад о мировой миграции 2020 – Международная организация по миграции, Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020> (дата обращения 16.11.2020).

5. Европейский центр профилактики и контроля заболеваний, Агентство Европейского Союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ecdc.europa.eu/en/geographical-distribution-2019-ncov-cases> (дата обращения 20.11.2020).
6. Мониторинг миграции, Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/migration/monitoringmigration.htm> (дата обращения 19.11.2020).
7. Отчеты и рекомендации ОЭСР в связи с пандемией коронавируса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oecd-russia.org/media/covid19/15.pdf> (дата обращения 18.11.2020).
8. Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/in-world/vuchich-nadeetsya-chto-vernushiesya-iz-za-granicy-serby-ostanutsya-doma-i-posle-okonchaniya-pandemii.html> (дата обращения 16.01.2021)
9. Рязанцев С. В., Брагин А. Д., Рязанцев Н. С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств [Электронный ресурс] // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. Всероссийский научный журнал (COVID-19 и мобильность). 2020. № 3. С. 7-22. Режим доступа: <http://www.fa.ru/org/dep/det/SiteAssets/Pages/ndkieu/%D0%9D%D0%9E%20%D0%AD%D0%9F%20%E2%84%963-2020.pdf> (дата обращения 01.12.2020)
10. Ситуация на внешних границах ЕС. Европейское агентство пограничной и береговой охраны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news-release/situation-at-eu-external-borders-arrivals-down-in-western-and-eastern-mediterranean-7WsLzx> (дата обращения 30.11.2020).
11. Статистика миграции и мигрантов. Евростат Европейской комиссии – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics&oldid=505845 (дата обращения 27.11.2020)
12. Трофимова О. Е., Четверикова А. С. Наднациональный формат и национальные особенности миграционной политики стран ЕС [Электронный ресурс] // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 1. С. 6-23. Режим доступа: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2019_1/6-23.pdf (дата обращения 01.12.2020).
13. COVID-19 и современное общество: социально-экономические последствия и новые вызовы: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2020. - 180 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2020/06/МК-813.pdf> (дата обращения 02.12.2020).

Motalov Yu.G. Impact of COVID-19 on European migration processes

The article analyzes the consequences of the introduction of border controls and the closure of the external EU border and some internal borders of the EU countries, in connection with the COVID-19 pandemic. The article provides data on the impact of the decisions made on the development of migration processes in the EU countries during the pandemic. Analyzing the new EU migration strategy, the author points out its lofty goals, material and financial support for social protection of migrants, but at the same time, rightly notes that the national peculiarities of the

development of countries of receiving migrants are forgotten, the ethnic composition of the states is not taken into account and, most importantly, it pushed into the background socio-historical and cultural practices, the mentality of the state-forming peoples. The absence in the proposed concept of a systematic approach to the development of social practices for the integration of migrants into the host European society indicates that the influence of migrants on the development of the EU countries is underestimated.

Keywords: migration, migration processes, social systems, COVID-19 pandemia, asylum seekers, internal border control

Личность в условиях социальных перемен

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-28-34

УДК 316.77

М. П. Король, Ж. Х. Молдагали

Онлайн образование в Казахстане: национальная модель

Аннотация:

В статье рассмотрен процесс создания модели дистанционного образования в республике Казахстан, что обусловлено поиском ответов страны на глобальные вызовы XXI в. Эти вызовы проявлены в феноменах «сетевого взаимодействия», «цифровой экономики», «цифровых технологий», «онлайн образования», в «искусственном интеллекте» и т.д. Однако во многом переход к дистанционному формату образования был форсирован пандемией COVID-19, вследствие которой на территории республики было введено чрезвычайное положение. Новая модель образования потребовала создания цифрового контента, разработки дидактических основ цифровых технологий. Однако для казахских преподавателей наряду с универсальными подходами в дистанционном обучении остается главным сохранить ценности этнопедагогики.

Ключевые слова: дистанционное образование, информационные технологии, цифровой контент, этнопедагогика

Об авторах: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Молдагали Жансулу Хайырмуханбеткызы, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: li_yan_official@mail.ru

Введение

Современный Казахстан, прошедший испытание кризисом государственности, ищет ответы на глобальные вызовы XXI в., среди которых одним из первых выступает «вызов ускорения исторического времени» [7]. Этот вызов отражается в феноменах «сетевого взаимодействия», «цифровой экономики», «цифровых технологий», «онлайн образования»,

«искусственном интеллекте» и т.д. Прогнозные практики позволили руководству Казахстана разработать новый политический курс «Стратегия 2050». Одно из приоритетных стратегических направлений сформулировано как «Знания и профессиональные навыки – ключевые ориентиры современной системы образования, подготовки и переподготовки кадров». В нем сказано: «Нам предстоит произвести модернизацию методик преподавания и активно развивать системы онлайн образования, создавая региональные школьные центры. Мы должны интенсивно внедрять инновационные методы, решения и инструменты в отечественную систему образования, включая дистанционное обучение и обучение в режиме онлайн, доступные для всех желающих» [7]. Это стратегическое направление во многом обосновано пониманием, что без особого внимания к системе информационного обеспечения, внедрения информационных технологий в образование, в частности, электронных учебников и видеофильмов, других электронных изданий по спутниковому каналу дистанционного обучения, прогресс в любой социально-экономической сфере невозможен [4, с. 2].

Институализация онлайн образования

Безусловно, модернизация системы образования неразрывно связана с новой стадией техногенеза и научной революцией. Интернет и телекоммуникационные устройства полностью трансформировали социокультурное пространство, открыв иной потенциал для современных образовательных практик. Технические возможности «медиа» воплощаются в модели дистанционного обучения как обмен знаниями и информацией между обучающимися и преподавателями на определенных расстояниях с использованием информационных технологий и телекоммуникационных устройств.

С момента внедрения системы дистанционного образования в Казахстане на основе накопленного опыта началась организация адаптивной дистанционной образовательной среды для преподавателей и студентов, созданы электронные учебники, разработаны нормативные акты, инструкции, программы [3, с. 155]. Общие положения Правил организации учебного процесса, разработанные в соответствии с подпунктом 25 статьи 5 Закона Республики Казахстан от 27 июля 2007 года «Об образовании», определяют порядок организации учебного процесса по дистанционным технологиям в организациях образования независимо от форм собственности и ведомственной подчиненности. Эти правила предполагают, что:

1. Организация учебного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий осуществляется на основе государственных

общеобязательных стандартов образования и образовательных программ соответствующих уровней образования, утвержденных приказом министра образования и науки Республики Казахстан от 31 октября 2018 года № 604 (зарегистрирован в Реестре государственной регистрации нормативных правовых актов за № 17669).

2. Реализация дистанционного образования осуществляется по телевизионным, сетевым и кейс-технологиям.

3. Планирование и организация учебного процесса с использованием дистанционного образования, нормы времени по видам обучения устанавливаются организациями образования самостоятельно.

4. В настоящих Правилах используются следующие термины и определения: образовательный портал, мультимедиа, результаты обучения, онлайн прокторинг, цифровые образовательные ресурсы, тьютор, сетевые технологии, смешанное обучение [6, с. 16-17].

Организация дистанционного образования использует все три общепринятых формы: онлайн (синхронная), офлайн (асинхронная) и вебинар.

Онлайн-режим вводится при наличии возможности двустороннего общения преподавателя и обучающихся в режиме реального времени на определенном расстоянии с помощью интернет-ресурсов. Офлайн позволяет осуществлять обмен информацией между преподавателем и обучающимися с помощью интернет-ресурсов (электронная почта). Семинары и тренинги, проводимые в сети интернет, получили название вебинаров [1, с. 11].

Одной из приоритетных задач развития системы дистанционного образования выступает повышение уровня знаний и создание условий для получения обучающимися знаний на основе учебных программ путем создания единой информационной системы образования. С этой целью в практику системы дистанционного обучения в Казахстане были внедрены несколько программ, таких как «Bilimland», «Daryn.online», «Дневник», «Univer», «Platonus», EduPage», и электронная почта, чат, видео и аудиоконференции. Посредством этих программ обучающиеся и преподаватели получают, выполняют, проверяют и оценивают задания, обретая оперативный доступ к контролю знаний. Каждый обучающийся имеет возможность зарегистрироваться на элективные дисциплины, ознакомиться с Типовым учебным планом и syllabusами дисциплин, просмотреть расписание учебных занятий и транскрипт, получить доступ к виртуальной аудитории для составления собственного учебного плана с использованием личного виртуального кабинета. Дистанционное обучение на основе разработанного контента позволяет насытить образовательную сеть качественными продуктами, ориентированными на обучающихся,

образовательные потребности которых могут существенно различаться. Кроме того, наличие дистанционной образовательной сети делает образование открытым, что позволяет создавать образовательные консорциумы по разным направлениям подготовки.

Внедрение в практику казахстанских вузов образовательные медиа- программы предлагают студентам задания на основе новых возможностей автоматизации управления обучением, самостоятельных повторяющихся дидактических ситуаций, объективной оценки знаний и навыков, мультимедийной передачи реальных информационных материалов, внедрения в виртуальную жизнь и др. Кроме того, такие программы позволяют выбирать дистанционное обучение в зависимости от индивидуальных психофизиологических особенностей студента с использованием усовершенствованных психолого-педагогических методов самостоятельного усвоения материала.

Однако надо отметить, что не только вызовы современного информационного общества стимулируют развитие дистанционного обучения в Казахстане, во многом этот процесс был форсирован пандемией Covid-19. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в национальных системах образования в результате пандемии, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш назвал ее «катастрофой поколений» [8].

2020 год стал годом ускоренной адаптации

На всей территории республики Казахстан было введено чрезвычайное положение и перед всей системой образования встал целый ряд задач, решение которых требовало незамедлительно предпринять усилия для налаживания удаленного обучения, чтобы обеспечить стабильность в работе образовательных систем. Необходимо было активно модифицировать традиционные отношения между участниками образовательного процесса.

Особое место в группе технических инструкторов, координаторов или администраторов онлайн-обучения, авторов-разработчиков учебных материалов занимают преподаватели. И к ним, и к другим лицам, задействованных в этом процессе, предъявляются новые требования:

- уметь работать с компьютером на высоком уровне;
- осознавать цели и задачи дистанционного обучения, его дальнейшее развитие на основе информационных технологий и средств коммуникации;
- владеть дистанционными технологиями обучения, телекоммуникационными средствами обмена информацией между потребителями и использования ресурсов в информационных системах;

- излагать методику модульных курсов, составляющих учебную программу, и организовывать их проведение;
- всесторонне готовиться к ведению учебного процесса в рамках дистанционного обучения.

Собственно, перед преподавателями стоят самые сложные задачи, которые требуют сосредоточения времени и энергии на поиске инструментария, объединяющего цифровые технологии и методики обучения в формате онлайн-дизайн курсов, планирования и создания цифрового контента, управления коммуникациями, поскольку «самая важная роль преподавателя в онлайн-классах – обеспечить высокую степень интерактивности и участия» [9, с. 16].

Без сомнения, традиционные дидактические принципы обучения выступают основой для организации дистанционного образования [5, с. 9] и определяют выбор методики преподавания. Практика показывает, что на реализацию технологии компьютерного обучения влияет использование следующих методов:

- информационный метод, обеспечивающий познавательную деятельность обучающегося;
- методы компьютерного моделирования, баз данных и знаний, гипертекстов;
- метод автоматического обучения и контроля знаний, основанный на использовании математических и логико-лингвистических моделей, развивает познавательную деятельность;
- автоматизированные методы обучения и оценки знаний, автоматизированные системы обучения, развивающие познавательную деятельность, основанную на использовании тестовых систем и мультимедиа [4, с. 5].

Владение этими методами, следование этическим нормам использования ресурсов глобальной сети определяют уровень информационной культуры – и преподавателей, и студентов. Наряду с этими общими, универсальными характеристиками информационной культуры в разработке дидактических и методических основ для дистанционной модели обучения не следует игнорировать этнокультурные особенности народа. И методы удаленного обучения, и цифровой контент, и характер управления коммуникациями должны осуществлять преемственность в этнопедагогических подходах. В педагогических традициях каждого народа хранятся приемы, способы обучения, воспитания, прошедшие селекцию накопленных народом способов и методов обучения. В этой связи преподаватели казахской системы образования имеют возможность обращаться к трудам классика этнической педагогики Ыбрая Алтынсарина. Он был первым профессиональным учителем

ХІХ в., «создавшим теорию педагогики, основанную на этнических особенностях казахов, и применившим ее на практике. В основе его педагогики лежит глубокая безграничная любовь педагога к своему ученику. Ыбрая Алтынсарина показал, что на этой основе формируется специальная технология обучения (способы передачи знания, учет сложности материала, учет возраста обучающегося и т.д.), которая гармонично, органично входит в саму систему обучения и воспитания. Ы. Алтынсарин, исходя из собственного опыта обучения, создания учебников, пришел к выводу, что учитель должен идти по логике ученика, а не по логике предмета» [2, с. 863].

Подводя итог, вернемся к вызову ускорения исторического времени, в очередной раз обозначившему ценность образования как социального института, потенциал которого способен удовлетворять потребности общества в кризисных ситуациях социокультурной реальности. Создание и развитие дистанционного обучения открывает возможности обеспечения учащихся доступностью образования независимо от места их нахождения. Дистанционный формат обеспечивая обратную связь между преподавателями и обучающимися, способствует развитию индивидуальных траекторий обучения, повышает качество обучения с помощью инновационных методик. Период самоизоляции в Казахстане актуализировал необходимость обучения и воспитания на расстоянии. Но данная ситуация позволила еще раз убедиться, что именно преподаватель остается ключевой фигурой в организации учебного процесса. Примечательно, что «казахстанская модель образования включает положение: «технике – да, техницизму – нет». Она строится таким образом, чтобы человек всегда оставался субъектом всех изменений, не превращался в придаток машины» [2, с. 863]. Сохранение традиций этнопедагогики позволяет казахским преподавателям создавать собственную модель образования ХХІ в.

Библиографический список:

1. Асанбай Б., Махамбетова Г. Эффективность дистанционного обучения в условиях информатизации образования // Основы Информатики. 2010. № 1. С. 11-12.
2. Ашилова М.С., Бегалинова К.К. О некоторых аспектах профессионального образования в Казахстане // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 1. С. 860–865. DOI: 10.15372/PEMW20170115
3. Куанышбаева Ә.Х. Трудности в системе дистанционного обучения // Наука и жизнь Казахстана. 2020. № 9. С. 152-155.
4. Мұхамбетжанова С.Т. Дидактические возможности организации дистанционного образования г.Алматы. 2007. С. 2-5.
5. Нұрбеков Б.Ж. Дидактические принципы дистанционного обучения // Білім-Образование. 2009. №6. С. 9-11.
6. Правила организации учебного процесса по дистанционным образовательным технологиям // История Казахстана: методический журнал. 2020. № 10. С. 16-17.

7. Стратегия «Казakhstan-2050» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (Дата обращения: 02.12.2020).
8. Covid-19 Policy Brief: Un Secretary-General warns of education catastrophe [Electronic resource]. URL: <http://www.iiep.unesco.org/en/covid-19-policy-brief-un-secretary-general-warns-education-catastrophe-13475> (Access: 25.12.2020).
9. Mapopa W.S. Getting to master online teaching Insights From Purposefully Organized Course Development // Training The Quarterly Review of Distance Education. 2018. Vol. 19. № 2. Pp. 15-25.

Korol M.P., Moldagali Z. Distance education in Kazakhstan

The article examines the process of creating a model of distance education in the Republic of Kazakhstan, due to the search for answers to the global challenges of the XXI century. In many ways, the transition to a distance education format was accelerated by the COVID-19 pandemic, as a result of which a state of emergency was declared on the territory of the republic. The new model of education required the creation of digital content, the development of the didactic foundations of digital technologies. However, for Kazakh teachers, along with universal approaches to distance learning, the main thing remains to preserve the values of ethnopedagogy.

Keywords: distance education, information technology, digital content, ethnic pedagogy

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-35-44

УДК 316.012

А. Толеш

Массовизированные процессы в кризисную эпоху: проблема управления

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.

Тилемахида

Аннотация:

Кризисность современного мира разворачивается на фоне проблем, которые характерны для массовизированного общества. Рассматривается феномен поведения толпы и способы управления ею. Это имеет практическую значимость для выработки адекватных мер, способных предотвратить катастрофические последствия массовизированных агрессивных состояний, когда протестные настроения масс запускают различные кризисогенные формы поведения. Анализируется феномен харизматического лидерства в аспекте механизмов влияния харизмы на массовое сознание. Делается вывод о том, что, отвечая представлениям масс, мифологизированная харизма в сегодняшнем мире может становиться манипулятивным механизмом, сознательно запускающим организацию массовизированных инстинктов, что усиливает риски социальной конфронтации и агрессии.

Ключевые слова: массовизированное общество, харизма, миф, толпа, агрессия, протест

Об авторе: Толеш Айнеш, политолог, главный редактор республиканской общественной газеты «Не Хабар», учредитель и директор ТОО «Al-Farabi Education Business Academy», Казахстан; эл. почта: toleshaiya@gmail.com

Введение

Культурная ситуация современности воспринимается (и таковой является) как кризисная. Информационно-коммуникационная зависимость замкнула мир: все общественные проблемы становятся мировыми проблемами, а массы – решающим фактором происходящих событий. Это показали протестные процессы последних месяцев в Белоруссии, Казахстане, на Кавказе, в России, Европе, США. Пандемия коронавируса, охватившая все страны мира, не только послужила триггером для развития многочисленных застарелых проблем, таких как состояние систем здравоохранения, проблемы неравенства и др., но и стала

стартом для формирования новых конфликтующих структур, которые пока лишь обозначились в спектре меняющегося мира.

Методология

Проблема массовизированного общества была обозначена в работах целого ряда крупных мыслителей XX в. и начала XXI в. Овеществление, омассовление (К. Манхейм), «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет, Э. Каннети), основанные на отчужденности человека от себя, кризис идентичности личности, манипуляция человеческим сознанием – основные сюжеты исследовательских работ. Одним из видных отечественных исследователей, аккумулировавших вопросы поведения толпы и способов управления ею, был А. П. Назаретян [11; 12; 15]. Вот как определяет он толпу. Это – «скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием» [15, с. 16]. Представляется важным и выделение им четырех видов толпы: окказиональная толпа (т.е. случайная), конвенциональная толпа (собирается по поводу заранее объявленного события), экспрессивная толпа (ритмически выражающая ту или иную эмоцию – радость, энтузиазм, возмущение и т.д.) и, наконец, действующая толпа (политически наиболее значимый и опасный вид стихийного поведения). Последняя имеет несколько подвидов: агрессивная толпа, паническая, стяжательная и повстанческая [15, с. 24-28].

Мы полагаем, что, хотя сам автор пишет, что такая классификация весьма условна, понимание различий в формах толпы функционально полезно. В первую очередь, в практическом плане, когда речь идет о необходимости адекватных мер, способных предотвратить катастрофические последствия массовизированных агрессивных состояний, когда протестные настроения масс запускают различные кризисогенные формы поведения. Например, манипулирование жестким делением на своих и чужих, «нефтяников» и «других», создало предпосылки для протестных настроений нефтяников в Казахстане, что закономерно привело к трагическим событиям декабря 2011 г. Еще одним важным для практических действий свойством массы является способность толпы к превращению из одного вида в другой, что может происходить и спонтанно, и умышленно, посредством манипулятивных техник.

«Защитный пояс» национального социоккода

Свою роль в росте агрессивных состояний в последние десятилетия XX-XXI вв. в разных точках мира сыграло то, что «защитный пояс» социоккода наций подвергся

значительным трансформациям под влиянием сложнейших процессов социокультурной реальности, изменивших пространственно-временные характеристики и порядок экономических, политических, культурных взаимодействий между народами, вызванных информационно-технологическими новациями [1, с. 173].

Анализ кризиса идентичности и симптомов регрессии западноевропейской культуры показывает, что в европейских странах разворачивается экспансия идеологий и практик национализма, включая его крайнюю форму – нацизм. Об этом свидетельствуют «рост популярности расистских идей в гуманитарном знании (к примеру, концепции «рас как особых исторически сложившихся форм культурной солидарности»), расширение зоны применения расистских моделей восприятия «другого» (в том числе и в государственной политике ряда стран, осуществляющих дискриминацию по этническим критериям) и всплеск интереса к идентичностям по критерию «почвы и крови», поддерживаемого властными структурами» [6, с. 189]. Исследование современных политических текстов также показало заметное увеличение частоты встречаемости слова «*против*» при каждом упоминании о международном соглашении или единстве с указанием на врага, «против» которого следует объединиться. «Эта психическая эпидемия, сопровождаемая признаками интеллектуального и духовного регресса, отчетливо диагностируется в последние десятилетия» [13, с. 125].

Рост протестных настроений, а тем более регресс к «черно-зеленой» разновидности политического терроризма в настоящее время не может не настораживать. Анализ эволюции внутрисирийского конфликта, вокруг которого разгорелись геополитические страсти, втянувшие десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, страны Европы, Россию и др., позволил многим независимым ученым сделать вывод о нарастании волны кризисов и превращении ее в глобальную катастрофу [13, с. 160].

То есть, в современном глобальном мире механизмы диссоциации начинают доминировать, что чревато системными конфликтами, в том числе и военными. Звучат прогнозы, согласно которым на фоне кризиса идентичности и регрессии западноевропейской культуры к середине XXI в. может наступить фаза «динамического хаоса» [19]. В таких бифуркационных точках незначительные факторы могут повлечь за собой неожиданно серьезные последствия. История всего мира начинает зависеть от мельчайших деталей, в том числе от решений, принятых отдельными личностями.

Анализируя «арабскую весну» в мировом контексте, современные российские исследователи приходят к выводу о том, что нередко революции происходят именно во вполне успешных обществах [5]. Такой успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся источником социального протеста. А в свою очередь, многоликий образ лидера, отвечая

архетипам коллективного бессознательного (стремление к защищенности, к интеграции, к подчинению, потребность в идентификации и любви), может быть использован в качестве внутреннего механизма влияния и осуществления власти политических лидеров разных уровней, а также террористических организаций для объединения и сплочения масс вокруг навязанных целей и идеалов, вызывая протестные настроения масс.

Харизматическое лидерство и массы

Сложность и неоднозначность проблемы требует обращения к одному из возможных внутренних механизмов влияния на события XXI в., порождающих массовые настроения, которые, как раз и возникают, по словам М. Вебера, на «изломах истории». Мы имеем в виду феномен харизматического лидерства, феномен, который в разные исторические времена был использован как сознательно проводимая организация массовизированных инстинктов.

Среди предпосылок харизматического лидерства известный французский психолог С. Московичи называет слом существующего социального уклада, разрушение верований, разочарование в традиционных установках, которые в свою очередь приводят к уменьшению контроля над внутренними импульсами отдельно взятых личностей и масс в том числе: «Массы ищут, сами того не понимая, человека, способного оказать влияние на ход вещей, перевернуть существующий порядок, ощущаемый как беспорядок и привести свое общество к настоящей цели» [10, с. 131].

Потребность в харизме проявляется также тогда, «когда на повестку дня выносятся вопросы о смысле существования общества и когда прежние формы господства потеряли свою значимость. Как правило, это имеет место при некоторых внутренних или внешних чрезвычайных ситуациях в общественной жизни той или иной страны (война, голод, экономический или политический кризис)» [4, с. 70]. Кризисная ситуация дает возможность лидеру регламентировать разные сферы жизни общества, налагать табу на определенные отношения, создавать под себя новые законы, которые должны содержать ответ на вызов, брошенный той или иной эпохой. Харизма служит признаком кризиса традиционных структур, агонии традиционной психологии, «она отражает движение части утративших стабильность масс и является обреченной на крах попыткой примирить непримиримое – объективную потребность в модернизации общества с сохранением и искусственным оживлением традиционных социальных институтов» [18, с. 342].

Как показали многочисленные независимые исследования, в странах, где потребность в харизме была наиболее велика, как правило, имели место слабые демократические традиции. Это означает, что мы сталкиваемся с взаимодействием харизматичных лидерских

способностей и условиями определенной среды, в которой находится лидер, способный ощущать пространство для маневра и превращать создавшуюся ситуацию в ситуацию, дающую ему возможность влиять на действительность.

Модель, описывающая предпосылки социальных беспорядков сегодня является основанием для пересмотра устаревших представлений об экономической детерминации протестных настроений и политических конфликтов. С приближением кризисной фазы собственно экономические мотивации уходят на задний план и реальным мотивом служат личные, национальные, партийные и прочие настроения масс наряду с эмоциональными импульсами лидеров, которые часто проявляются на бессознательном уровне. Причем, и те и другие «рационализируют бессознательные импульсы аффективной агрессии» [14, с. 115-129]. В свою очередь политические авантюристы, жаждущие власти, искусственно могут создавать чрезвычайные ситуации как средство взятия под контроль государственных функций, затягивая мнимые кризисы с целью сохранения своего контроля.

Каков механизм подобного процесса? Человечество шагнуло в эпоху массовых обществ и человека-массы, объединенных коллективной душой и духовным единством, представляя собой потенциальную энергию всех социальных и общественных движений. Если субъектом обыденного сознания выступает масса, образовавшаяся стихийно (толпа) или сознательно (большая группа людей, объединенная организационно, идейно и т.п.), то на первый план в ее духовном содержании выступает иррациональное начало: эмоции, неосознанные или бессознательные установки, что приводит к возрастанию роли иррационального. Здесь и выходит на первый план харизма, основанная на групповых конфронтациях, а значит, она может быть использована как одна из платформ идеологических игр.

Но почему массы готовы подчиняться власти харизматичной личности? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо, прежде всего, разобраться в механизмах влияния харизмы на массовое сознание.

М. Вебер, как известно, заметил, что харизма как высший авторитет и механизм влияния, выделяет лидера из массы, окрашивает будни масс в необычайно яркие тона, актуализируя привлекательные идеалы будущего, вопреки рутине повседневности [2].

Один из механизмов почитания или культа героя или вождя может быть рассмотрен в категориях «гражданской религии», т.е. видение мира через мифы и символы, осуществление своих надежд и страхов через ритуальные и литургические действия [3, с. 8].

Современные исследователи констатируют, что социальное мышление современного человека вернулось на мифологический уровень. В свою очередь, механизмы воспроизводства

харизмы в обыденном сознании сформированы в далеком прошлом, которые как раз и осуществляются через миф, архетип, символ, фольклор, ритуал. Давно стало очевидным, что инерция идеологического мышления, всегда разделяющая людей на «своих» и «чужих», обусловлена «проективной» ролью межгрупповых напряжений. Ментальные матрицы «свой» - «чужой», «мы» и «они» испокон веков задавали вектор военных, политических, конфессиональных и классовых разногласий. Поэтому «из отношений «мы» и «они» соткана всемирная история» [17, с. 128].

Как известно, К. Юнг называл мифологию коллективной психикой. Понятие архетипа отражает тот факт, что в психике человека, помимо последствий личного опыта, присутствуют вездесущие представления. По Юнгу, уже с самых древних времен человек знает об опасности, таящейся в его душе, поэтому обычаи религиозного, мистического характера нужны ему для того, чтобы уберечь себя от опасности и одновременно от бессилия и одиночества [23, с. 97-98]. Вот как об этом же пишет Э. Фромм: «...сознавая свою отдельность, сознавая – пусть даже очень смутно – неизбежность болезней, старости и смерти, человек не может не чувствовать, как он незначителен, как мало значит в сравнении с окружающим миром, со всем тем, что не входит в его «я»... Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла его жизнь и придавала ей смысл...». Одновременно с этим Фромм добавляет: «Не существует ли – кроме врожденного стремления к свободе – и инстинктивной тяги к подчинению?» [20, с. 126].

Влечение человека к совместной жизни заложено в нем, видимо, генетически. При этом замечено, что общество частью которого человек становится по мере социализации, для людей воплощается в виде каких-либо объектов, символов, лиц. Именно они наделяются прерогативой власти, слияние с которой человек может реализовать в разных формах – от согласия с лидером, олицетворяющим власть до преклонения перед ним. Причем лидер при этом не должен иметь обычные человеческие качества, так как лидер, вожак, герой в представлении масс на уровне древних верований ассоциируется с потусторонними силами.

Таким образом, можно говорить о том, что миф – это духовная среда, в которой формируется харизма. Другими словами, миф есть форма бытия харизмы. Миф и харизма не могут существовать отдельно в общественном сознании. Мифологизация образов великих личностей, героев, вождей в истории общества – характерная особенность обыденного сознания. Харизматические отношения, ярко проявляющиеся, например, в религиозных действиях, ритуалах, расширяют духовный опыт человека, который придает особый смысл повседневной жизни. А ритуалы, в свою очередь, одновременно усиливают влияние харизмы.

Хорошо известно связывание ритуала с мифологическим мышлением. Согласно Дж. Фрэзеру, магическое, а значит, и мифологическое мышление основывается на двух принципах: принципе подобия и принципе соприкосновения или заражения [21]. Примечательно, что ритуал воспринимается как наиболее ранний уровень мифа. Но миф, в отличие от ритуала, полагает отрыв повествования от действия, одновременно являясь «архаичной фигурой ментальности». В ритуале «происходит отчуждение человека от собственной личности и возникает ощущение незримого Божественного присутствия либо присутствия божественных сил» [16, с. 13]. Как замечает Леви-Стросс, «ритуал... образует союз (можно сказать, общность) или, во всяком случае, органическую связь между двумя группами (совпадающими в пределе одна – с персонажем служителя культа, а другая – с коллективом верующих), которые вначале были разделены» [8, с. 138-139]. Таким образом, использование ритуальных коллективных действий не только усиливает влияние харизмы, помогая сплотить и объединить массы вокруг каких-то целей и идеалов, но и дает возможность человеку в массе осознать себя частью целого.

В XX в. к светским воплощениям религиозной системы представлений многие относят социалистическую и националистическую идеи. Образ лидера как в Германии, так и в России выполнял роль религиозного символа в восприятии масс в категориях вездесущности, бессмертия и совершенства великого героя (вождя), что уже явно указывает на механизм влияния харизмы как сознательно проводимой организации массовизированных инстинктов.

Еще Г. Лебон отмечал, что механизм веры толпы основан не на стремлении к свободе, а на потребности в подчинении: «Толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властителем», – указывал Г. Лебон [7, с. 196-197]. Становясь объектом в отношениях господства и подчинения, почитая и обожествляя харизматического лидера, массы теряют свою идентичность, в частности, перекладывая свою ответственность за данную ситуацию на так называемого вождя. При этом толпу мало интересует, что реально представляет собой лидер, ей важно то, чем он кажется, и что предъявляет людям.

Лебон, Тард, Московичи и многие другие исследователи отмечали, что для масс важна личностная, эмоциональная общность с харизматичной личностью. И такую сильную, объединяющую функцию выполняет харизма вождя, которая усиливается с помощью влияния символа или культа отца, как неотъемлемая составляющая ситуационного и исторического сознания масс. Вебер называл возникавшие в результате единения вождя и массы чувства «эпилептическим экстазом», показывая, что харизма, символизирующая собой нечто мистическое, магическое и неопределенное, усиленная мифами и ритуальными действиями,

нерасторжима с феноменом масс. Мы прекрасно знаем эти примеры из истории России, Германии, Китая, других тоталитарных режимов. Так, «Гитлер воспринимался, прежде всего, как воплощение национального возрождения, выразитель национального духа, защитник нации от врагов» [3, с. 21]. В своем знаменитом интервью с Х. Никербокером на вопрос, почему Гитлер, который невольно заставляет каждого немца обожествлять его, не производит никакого впечатления на иностранцев, К. Юнг замечает, что это происходит потому, что для всякого немца Гитлер является зеркалом его бессознательного, в котором не для немца, ничего не отражается: «Он рупор, настолько усиливающий неясный шепот немецкой души, что его может расслышать ухо ее бессознательного» [22, с. 555]. Как известно, образ Ленина имел также значение национального символа для широких масс – как это ни удивительно – на фоне распространенного бытового антисемитизма.

Важнейшая роль в символизации харизматизма принадлежит пропаганде, как воздействию механизму, призванному усыпить способность к критическому мышлению: «Пропаганда применяет те же способы, что и реклама, которая апеллирует не к разуму, а к чувствам», - подчеркивает С. Московичи [9, с. 103]. Он выделяет три основных механизма влияния в стратегии пропаганды: представление, церемониал, убеждения. Пространство представления, по мнению Московичи, должно быть ограниченным – соборы, стадионы, дворцы, площади. Церемониал с его знаменами, песнями, изображениями должен мобилизовать и сплотить массы. Представление, церемониал, как механизмы влияния, призваны создать у масс автоматизм, вести людей в гипнотическое состояние.

А. М. Вебер на первое место по значимости среди качеств лидера помещает волю и умение зажигательно говорить, но «определяющей ... является власть демагогической речи...» [2, с. 680].

Вывод

Острота переживаемых политических или социальных протестных настроений, их интенсивность стимулируют мифологизированные массовые представления о том, каким должен быть харизматичный лидер. Отвечая представлениям масс, мифологизированная харизма в сегодняшнем мире может становиться манипулятивным механизмом, сознательно запускающим организацию массовизированных инстинктов, что усиливает риски социальной конфронтации и агрессии.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Националистический поворот: от консолидации к конфликту // Социальная политика и социология. 2019. Том 18 № 2 (131). С. 172-180.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6.
4. Грехнев В.С. Харизматическое сознание в политическом выборе россиян // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1996. № 6.
5. Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015. 384 с.
6. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Между национализмом и империей. Драма выбора западноевропейской цивилизации // Историческая психология и социология истории. 2016. №1.
7. Лебон Г. Вожаки толпы // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. Самара. 1999.
8. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
9. Московичи С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии. 1996. 117 с.
10. Московичи С. Психология харизматического вождя // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. Самара, 1999. 432 с.
11. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
12. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1996.
13. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Аргамак-Медиа. 2016. 260 с.
14. Назаретян А.П. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С.115-129.
15. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании: Учеб. пособие. М., Издательский центр «Академия», 2005. 160 с.
16. Петренко В.Ф., Карнацкая Л.А. Ритуал как социально-психологический феномен, его природа и культуuroобразующий смысл // Мир психологии. 2003. №1 (33).
17. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
18. Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., Наука, 1975. 384 с.

19. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2020. 228 с.
21. Фрэнклер Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ, 1998. 784 с.
22. Юнг К. Диагностика диктаторов // Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. Самара. 1999.
23. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 262 с.

Tolesh A. Massive Processes in a Crisis Era: The Problem of Management

The crisis of the modern world is unfolding against the background of problems that are characteristic of a mass society. The phenomenon of crowd behavior and methods of managing it are considered. This is of practical importance for the development of adequate measures that can prevent the catastrophic consequences of massive aggressive states, when the protest moods of the masses trigger various forms of crisis-related behavior. The phenomenon of charismatic leadership is analyzed in the aspect of the mechanisms of influence of charisma on the mass consciousness. It is concluded that, in response to the ideas of the masses, mythologized charisma in today's world can become a manipulative mechanism that deliberately launches the organization of massive instincts, which increases the risks of social confrontation and aggression.

Key words: mass society, charisma, myth, crowd, aggression, protest

К методологии исследования социальной памяти

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-45-56

УДК 167.7

Л. И. Седова

Концептуальная модель социальной памяти молодежи: методологический подход

Аннотация:

Среди значимых проблем общественного и научного дискурсов конца XX – начала XXI вв. особое место занимает тема коллективной памяти. Реставрация и обращение к прошлому на фоне разрыва с традицией привели к так называемому «буму памяти». Один из наиболее значимых и дискуссионных вопросов в этом контексте касается специфики социальной памяти молодежи, получивший широкое освещение в работах современных российских и зарубежных исследователей. Несмотря на востребованность, на данный момент теория социальной памяти молодежи остается недостаточно разработанной. Реальны и значимы в этом ключе проблемы формирования концептуальной модели, выбора и обоснования релевантного методологического подхода.

Ключевые слова: коллективная память, социальная память молодежи, концептуальная модель, системный подход, методология исследования социальной памяти, тезаурусная концепция, теория поколений, «эффект генерации»

Об авторе: Седова Любовь Игоревна, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, старший преподаватель; эл. почта: lyubov_m@bmstu.ru

Актуальность исследования социальной памяти молодежи

Среди значимых проблем социально-философского дискурса последних десятилетий тема человеческой памяти занимает особое место. В ней сходятся и переосмысливаются заново ностальгические проекты общества модерна и позднего модерна, идеи реставрации и критика современности. Возвращение к прошлому на фоне разрыва с традицией нашло отражение в понятиях «бум памяти» [13; 20] и «поворот к памяти» [16]. Теоретически и методологически этот поворот был подготовлен работой М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти», вышедшей в свет в 1925 г. [18]. Несмотря на

то, что первопроходцами memory-studies были и остаются западноевропейские философы и антропологи, анализ научной литературы демонстрирует рост интереса к проблеме, ее переход в разряд междисциплинарных. Интенсификация исследований в области коллективной памяти неизбежно ведет к формированию общих концептуальных оснований, разработке единой методологии и поиску понятийного аппарата, которые позволили бы преодолеть разобщенность научных изысканий.

Особняком стоит вопрос о специфике коллективной памяти молодежи, получивший широкое освещение в работах современных российских исследователей. Внимание авторов фокусируется, в первую очередь, на особенностях восприятия советского прошлого новым поколением граждан постсоветского пространства. Выходят на первый план и подвергаются научной рефлексии многочисленные, в том числе травмирующие, следы, оставленные историей XX в. в сознании молодого поколения. Ускорение информационных потоков, культурный обмен и плюрализм ценностных систем актуализируют проблему фрагментации пространства коллективной памяти молодежи. Насущной становится концептуализация исследовательского поля memory-studies с учетом неоднородности мнемического пространства, складывающегося из воспоминаний различных социальных групп и акторов.

Концептуальная модель социальной памяти

Интегративный подход к изучению социальной памяти, отвечающий междисциплинарному характеру научной проблемы и сложности рассматриваемого феномена, представлен системной теорией. В основе подхода лежит идея целостности, сложной организованности и внутреннего динамизма явлений. Под системой в самом широком смысле понимается «множество связанных между собой элементов, которое рассматривается как целое» [15, с. 16]. Такое видение объекта задает необходимость анализа структурных составляющих социальной памяти общества в статике и динамике.

Социальная память представляет собой сложную систему, образованную большим числом разнообразных элементов, соединенных между собой различного рода связями. Трансформация таких систем имеет нелинейную природу, не детерминирована, и зависит от множества факторов внутренней и внешней среды. В рамках более масштабной – социетальной системы – социальная память выполняет роль подсистемы с функцией «накопления, хранения, передачи существенно важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению (вертикальный обмен информацией), а

также обмена информацией между людьми одного поколения (горизонтальный обмен информацией)» [1, с. 45-46]. Поддержание информационных потоков в социуме необходимо не только для его функционирования, но и устойчивого развития, подразумевающего сохранение основных свойств и целостности системы во времени.

Таким образом, в русле системной теории, раскрывающей комплексный характер исследуемого феномена, *социальная память – это система накопления, хранения, воспроизводства и трансляции коллективного опыта и знаний, значимых для функционирования и развития общества.*

Социальная память как система внутренне структурирована. Выстраивание концептуальной модели в статическом аспекте предполагает выделение ряда взаимосвязанных пластов памяти, соответствующих различным уровням организации жизни общества. В самом широком плане коллективная память охватывает мир в целом и обозначается термином «память мира» [12] или «глобальная память» [22]. В нее входят воспоминания, значимые для всего человеческого общества. Глобальная или космополитическая память связывает национальные сообщества, формируя единое пространство образов, распространяемых благодаря современным медиа.

Второй слой образуют мнемические структуры отдельного государства или нации. Расцвет национальной памяти относится к эпохе модерна, которую отличает осознанное обращение к истокам социального объединения, ограниченного территориальными рамками. Особое значение на этом уровне приобретает интерпретация и оценка исторических фактов «сверху», создание национальных героев, предметов гордости и воспевание побед. Третий слой в системе социальной памяти формируется воспоминаниями больших социальных групп: этнических, профессиональных, конфессиональных, классовых, социально-демографических и других. На микроуровне системы функционирует память малых социальных групп, члены которых объединены непосредственным межличностным взаимодействием. Каждый последующий слой предполагает существование предыдущего и включается в него в качестве подсистемы.

Содержательную основу социальной памяти составляют элементы культуры, важнейшие из которых запечатлены в форме знаковых систем. Знаково-символическая составляющая воспоминаний была отмечена еще М. Хальбваксом. В выводах к «Социальным рамкам памяти» французский ученый писал: «Любой исторический персонаж или факт, проникший в эту память, сразу превращается там в некоторое поучение, понятие, символ; он приобретает смысл; он становится элементом системы общественных

идей» [18, с. 343]. Наиболее полно культурное измерение памяти раскрывается в работах отечественного культуролога Ю. М. Лотмана, заложившего основы семиотики истории [8]. Согласно Ю. М. Лотману, поле культуры тождественно пространству памяти, в основе которого лежит система «не генетически» унаследованных текстов и символов. Последние обеспечивают систематизацию, хранение, передачу и интерпретацию последующими поколениями социальных смыслов.

Методология исследования социальной памяти молодежи

Структурирование мнемического пространства общества в разрабатываемой концептуальной модели позволяет обозначить место и особенности отдельных подсистем. Социальная память молодежи составляет одну из таких подсистем и может рассматриваться с трех позиций, в зависимости от выбранного методологического подхода.

Первая исследовательская позиция исходит из того, что молодежь – это большая социально-демографическая группа в социальной структуре общества. Главная черта, характеризующая молодежь и отличающая ее от других социально-демографических групп – это переходное состояние (состояние «накануне»), наиболее активный период социализации, адаптация и освоение социальных ролей [6]. Именно на этом этапе формируется представление о прошлом того сообщества, с которым идентифицирует себя индивид.

Основной критерий, определяющий состав молодежи как социально-демографической группы – это возраст. Неоднозначность интервалов молодежного возраста оправдана разнообразием траекторий взросления и социализации. Нижняя граница чаще всего связывается с половым созреванием, окончанием средней школы, началом профессионального обучения, наступлением правовой ответственности [2]. Окончание периода молодости соотносится с понятием юридического совершеннолетия, совпадает с получением профессионального образования, созданием собственной семьи, достижением материальной независимости [11]. Согласно законодательству, в России социально-демографическая группа молодежи включает людей от 14 до 35 лет [4].

Таким образом, *молодежь* в рамках первого методологического подхода представляет собой *социально-демографическую группу людей в возрасте от 14 до 35 лет, проходящих стадию социализации и становления социальной и психо-физиологической зрелости, освоения социальных ролей.*

Социальная память молодежи как социально-демографической группы составляет подсистему памяти социума. Она располагается на мезоуровне, входит в государственную или национальную память и включает в себя воспоминания малых групп (семьи, группы сверстников, коллектива). Содержательные особенности исторического сознания молодежи обусловлены спецификой протекания процесса социализации в современном обществе: снижением значимости традиционных каналов передачи опыта и возрастающей ролью новых агентов социализации, таких как СМИ и интернет. Трансформация наиболее значимых социальных институтов – кризис семьи, коммерциализация системы образования – повышает роль сверстников, которые опосредуют передачу опыта от взрослого к подростку, тем самым снижая влияние старших поколений. Процесс социализации в информационном обществе теряет межличностный характер, приобретая массовую форму. Все это отражается на мировоззрении и коллективной памяти молодежи: сосуществуют и конкурируют между собой несколько ценностных систем, отсутствует единое видение образа прошлого.

Второй методологический подход к пониманию молодежи как носителя коллективных воспоминаний основан на тезаурусной концепции Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова [9]. Центральное понятие теории – «тезаурус» – это «индивидуальная конфигурация ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро- и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности» [5]. Толкование молодежи в тезаурусном подходе основывается на предыдущем и дополняется рядом существенных характеристик. Авторы дают следующее определение: *молодежь – это «социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир»* [17, с. 14].

В таком случае социальная память молодежи может рассматриваться как структурный элемент тезауруса. Применительно к социальной группе тезаурус – совокупность знаний, освоенных членами данного сообщества, заданная условиями социокультурной среды. Тезаурус молодежи включает в себя субъективные представления о прошлом («мнемоисторию») данной группы, заключенные в одинаково интерпретируемом смысловом коде.

И, наконец, третье направление молодежной проблематики в социально-гуманитарном дискурсе, представляющее особенный интерес в ракурсе исследования социальной памяти, связано с теорией поколений. С этой позиции молодежь представляет собой особую когорту, включенную в процесс социокультурной преемственности. Базовые принципы поколенческой теории («generational theory») сформулированы в классической работе американских исследователей Н. Хоува и В. Штрауса «Поколения: история будущего Америки от 1584 г. до 2060 г.» [21]. Впоследствии теория была доработана и переосмыслена, предложенная авторами классификация дополнена с учетом актуальных тенденций.

Поколение в «generational theory» определяется как «общность (когорта) людей, объединенных не только сходным возрастом, но и общими ценностями, сформированными в возрасте до 10-12 лет под влиянием определенного культурно-исторического контекста» [14]. К основным поколениям XX-XXI вв. относят:

1. поколение «GI» – поколение победителей и строителей (годы рождения с 1900 по 1923);
2. молчаливое поколение (с 1923 по 1943 гг.);
3. поколение «беби-бумеров» (с 1943 по 1963 гг.);
4. поколение X (с 1963 по 1983 гг.);
5. поколение «милениалов» (с 1983 по 2003 гг.);
6. поколение Z (с 2003 г.). В соответствии с дефиницией, каждой генерации свойственны специфические мировоззрение, нормы и ценности, обусловленные особенностями среды социализации.

В фокусе социальной памяти *поколение – это «совокупность индивидов, существующая внутри некоторой популяции при условии, что эти индивиды переживают одни и те же события, происходящие в одном и том же интервале времени»* [19]. Если рассматривать современную молодежь как генерацию, то, согласно американским социологам Г. Шуману и Ж. Скотту, она обладает специфической социальной памятью, отличной от памяти старших поколений. «Эффект генерации» состоит в том, что:

1. коллективная память различна для разных поколений;
2. в максимальной степени запоминаются те события или изменения, которые происходят во времена юности или ранней взрослости представителей данной когорты;
3. поздние воспоминания пропускаются через жизненный опыт и сложившуюся систему взглядов, поэтому имеют более высокую степень осознанности.

Г. Шуман и Ж. Скотт отмечают, что интерпретация одного и того же факта или события у представителей разных поколений может отличаться. Старшее поколение, как правило, смотрит на прошлое сквозь призму своего жизненного опыта, системы взглядов и ценностей. На восприятие события также оказывает влияние «официальная история», общественное мнение, идеология. Молодое поколение ориентировано на будущее, его больше интересуют грядущие проблемы и перспективы.

Существенным в исследовании поколенческой специфики социальной памяти видится разграничение способа получения информации об историческом факте. Для очевидцев события наибольшее значение имеет личное восприятие, а для тех, кто узнает о событии из вторых рук – коллективный образ, сложившийся в массовом сознании. Специфика восприятия прошлого в юношеском возрасте или в период ранней взрослости связана с влиянием ближайшего окружения – домашнего и соседского. Особую значимость в историческом сознании молодых людей приобретают те эпизоды истории, которые получают эмоциональную окраску и оценку со стороны взрослых.

Воспоминания, организованные вокруг молодежной когорты, играют роль связующего звена между памятью предыдущих и последующих поколений, а особенности исполнения этой роли зависят от типа общества. Дифференциация трех типов культур в концепции М. Мид – постфигуративной, кофигуративной и префигуративной – позволяет объяснить роль памяти молодого поколения в обеспечении социокультурной преемственности [10, с. 322]. В постфигуративных обществах «прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения» [10, с. 323], наследуемый коллективной опыт и знания неизменны и одинаково ценны на протяжении длительного времени. Место воспоминаний молодежи в такого типа культурах сводится к сохранению памяти предков и передаче ее потомкам. Там, где наступает кризис постфигуративной системы, моделью передачи культуры становится кофигурация, при которой большее значение приобретает актуальный опыт современников. Значение памяти предыдущих поколений снижается, возможно нарушение культурной традиции. Историческое сознание молодежи по большей части ориентируется на сегодняшние ценности, отвечающие изменившимся социальным условиям.

Ускорение темпов социокультурных трансформаций формирует префигуративный тип общества, ориентированный главным образом на будущее. В таком обществе коллективные знания и опыт молодого поколения играют ключевую роль, в то время как унаследованные от старших образцы поведения утрачивают свою значимость полностью

или частично. Наблюдается обратное влияние: интерпретация прошлого молодежью выходит на первый план и определяет видение современной ситуации и оценку культурного наследия.

При этом информация, транслируемая культурной памятью, даже если ее содержание признается всеобщим, вовсе не обязательно соответствует реальности, так как подвергается как сознательному, так и бессознательному манипулированию. Но историческая память – это та почва под ногами, которая дает ощущение укорененности, преемственности, понимания своего места в социокультурном хронотопе. По большому счету для этого не имеет значения оценка события. И если на протяжении жизни одного поколения такая оценка давно случившегося исторического события неоднократно меняется в зависимости от текущих интересов правящих элит, то это чревато утратой устойчивых моделей идентификации [3, с. 13].

Апеллируя к концепции культуры Ю. М. Лотмана, память молодого поколения в префигуративных типах обществ можно охарактеризовать как «творческую». Отношение памяти и времени у Ю. М. Лотмана описывается через дихотомию «информативной» и «креативной» памяти» [7]. Если история стремится воссоздать событийный ряд «в обратном направлении», то память может быть обращена в прошлое двумя способами. Первый – подчинение хронологическому порядку, согласованность с течением времени – характеризует «информативную память». Второй – актуализация различных фрагментов прошлого и наделение их значимостью вне связи с исторической последовательностью. Этот вид памяти носит «творческий», «континуально-пространственный» характер. В континууме «креативной памяти» молодежи любой фрагмент потенциально активен, его место в парадигме «памяти-забвения» зависит от текущих общественных интересов и потребностей.

Заключение

Социальная память молодежи – сложная, динамичная система, трансформирующаяся под влиянием идеологии и пропаганды, смены социальных настроений и образа жизни, изменения экономических условий и других факторов макро- и микроуровня. Историческое сознание молодежи подвижно, имеет высокую степень вариативности и во многом зависит от характера интерпретации. Потребность осмысления этого феномена в общественном и научном дискурсе привела к «буму памяти», привела к массовости и динамике дискуссий вокруг этой темы. Тем не менее, концепт социальной

памяти остается еще недостаточно разработанным на теоретическом уровне, отсутствует согласие в отношении широкого круга вопросов. Реальны и значимы в этом контексте задачи построения концептуальной модели и выбора релевантного методологического подхода.

Разработка концептуальной модели социальной памяти с опорой на системный подход диктует необходимость выделения ряда структурных уровней организации мнемического пространства. На одном из обозначенных уровней функционирует социальная память молодежи, комплексное исследование которой предполагает синтез трех методологических подходов. Первый рассматривает молодежь как социально-демографическую группу, память которой составляет мезоуровень общей системы памяти социума. Согласно второму воспоминания молодежи представляют собой важнейшую составляющую тезауруса данной группы – специфической для сообщества конфигурации ориентационной информации, знаний и установок. Третье методологическое направление основано на теории поколений. Анализ социальной памяти в этом ключе предусматривает изучение «эффекта генерации» – дифференциации пространства коллективных воспоминаний по поколениям. Сочетание трех методологических позиций позволяет описать и объяснить особенности и роль социальной памяти молодежи.

Изменчивый, подвижный характер современной культуры повышает значимость коллективного опыта и знаний молодой когорты в обеспечении межпоколенческой преемственности. Переход к префигурации как доминирующей модели передачи социально значимых смыслов означает возможность обратного влияния ценностей, интересов и потребностей молодежи на образ прошлого в общественном сознании. Ускорение истории и отсутствие общепринятой, передаваемой из поколения в поколение интерпретации событий и фактов увеличивает разрыв между памятью и историей. «Живая память» и история становятся двумя противоположными формами заботы о прошлом. История объективна и универсальна, память – это всегда точка зрения определенной группы, опосредованная ее опытом.

Общность переживания прошлого и формируемая в границах группы культура памяти составляют необходимое условие формирования коллективной идентичности в смене поколений. Основываясь на символах пространства культуры, отсылающих к мифической истории и передаваемых с помощью нарратива, коллективная идентичность объединяет тех, кто ее принимает в единую общность, имеющую одинаково понимаемое и

семиотизированное прошлое. Таким образом, поле памяти опосредует тенденции к интеграции в рамках сложной культурной системы.

Библиографический список:

1. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975. 408 с.
2. Бабочкин П.И. Молодежь в структуре современного российского общества // Методологические проблемы исследования молодежи: Материалы к дискуссии / НИЦ при Ин-те молодежи. М.: Социум, 1998. С. 22-30.
3. Багдасарьян Н.Г. Политика памяти: прошлое как продукт интерпретации / Философия революций и глобальные тренды современности // Материалы международной научной конференции (Дубна, 14 апреля 2017 г.) / Под общей редакцией Н.Г. Багдасарьян, В.Г. Федотовой. Дубна, 2017. С. 5-13.
4. Законопроект №993419-7 «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 15.01.2021).
5. Ковалева А.И. Тезаурусная концепция социализации [Электронный ресурс] // Социология молодежи. Электронная энциклопедия / Под. ред. проф. Вал.А. Лукова. Режим доступа: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/23-te%1Fzaurusnaya-koncepciya-socializacii.html> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Козлова О.Н. Что такое молодежь? // Методологические проблемы исследования молодежи: Материалы к дискуссии / НИЦ при Ин-те молодежи. М.: Социум, 1998.
7. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202.
8. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 413 с.
9. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 18–35.
10. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / Пер. с англ. Ю.А. Асеева; Сост. и отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука, 1988. 429 с.
11. Молодежь России: тенденции и перспективы / Под. ред. И.М. Ильинского, В.В. Елизарова. М.: Мол. гвардия, 1993. 224 с.
12. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

13. Нора П., Озуф М., Пюимеж де Ж., Винок М. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17-50.
14. Носова С.С., Кужелева-Саган И.П. Молодежь в сетевом Информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 85-96.
15. Плотинский Ю.М. Аналитика социальных процессов. Часть 1. РУДН Москва, 2014. 168 с.
16. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13-23.
17. Социология молодежи: научная школа Московского гуманитарного университета: в 2 ч. Ч. 1 / А.И. Ковалева, Вал.А. Луков, Н.А. Перинская. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. 442 с.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
19. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47-60.
20. Berliner D.C. The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // Anthropological Quarterly. 2005. Vol. 78. № 1. Pp. 197- 211.
21. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y., 1991. 554 p.
22. Stepnisky J. Global Memory and the Rhythm of Life // American Behavioral Scientist. 2005. Vol. 48. № 10. Pp. 1383-1402.

Sedova L. Conceptual model of the social memory of youth: a methodological approach

One of the most important problem of both social and scientific discourses in the late XX - early XXI centuries is the topic of collective memory. Reconstruction and return to the society's past in conjunction with the break with tradition led the science to the so-called "memory boom". One of the most significant and controversial issues in this context concerns the specific of the social memory of young people. This problem is really widely spread in the modern scientific community. Despite this fact, at that moment the theory of social memory of young people remains

insufficiently developed. Consequently, the construction of a conceptual model as well as the choice and scientific justification of the relevant methodological approach to the study of collective memory of youth are of fundamental importance.

Keywords: collective memory, social memory of youth, conceptual model, system approach, methodological approach, thesaurus concept, generational theory, "generation effect".

Памяти мыслителя

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-57-63

УДК 304

Н. Г. Багдасарьян

Универсальная история как образ жизни

Наши тела состоят из пепла давно угасших звезд.

Дж. Джинс

Аннотация:

Рассматривается наследие А. П. Назаретяна – мыслителя чрезвычайно широкого диапазона, одного из разработчиков международного исследовательского проекта Универсальной истории (в англоязычных странах *Big History*, в испаноязычных – *Megahistoria*, в германоязычных – *Weltallgeschichte*), постдисциплинарного, или проблемного знания, представляя в нем Россию. Он приложил немало усилий к внедрению концепции в университетское образование, в частности, читал курс в Университете «Дубна». Подробно рассматривается его глава в учебнике для магистрантов и аспирантов «История, философия и методология науки и техники», посвященная эволюции типов миропонимания.

Ключевые слова: А. П. Назаретян, Универсальная история, Мегаистория, постнеклассическая наука, миропонимание, постдисциплинарное знание

Об авторе: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук; профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Эпиграф я позаимствовала у Акопа Погосовича, он поместил его в одной из своих книг, перед главой под названием «Набухающая Вселенная». И сам эпиграф, и название главы, и название книги [6, с. 192] – все показалось уместным в разговоре о Назаретяне.

Есть имена ученых, которые стоят особняком в научном сообществе. Их карьерная траектория не носит линейного характера – от одной ступени к другой – вверх, она строится по мере и в зависимости от того, как движется его мысль, как меняется собственная внутренняя логика роста знания. Интересы и проблемные поля таких исследователей, расширяясь и переплетаясь, выходят за конкретные дисциплинарные рамки. Их не слишком волнуют институциональные статусы, которые представляют интерес лишь постольку,

поскольку они позволяют просвещать людей и популяризировать новое знание. Именно таким – открытым и глубоким, ценящим любознательных студентов и огорчающимся, если на него обращены глаза равнодушные, преданным идее Мегаистории, но энциклопедически образованным – представляется мне профессор Назаретян.

Акоп Погосович был моим другом, мы много общались и в университетских аудиториях, на конференциях и семинарах, и за пределами официальных мест. Выяснилось, что наши родители были в одно и то же послевоенное время в Риге, и, скорее всего, были знакомы. Зная занятость, востребованность и активность профессора, я и не помышляла о возможности пригласить его в Дубненский университет, и лишь однажды, рассказывая о своей кафедре, почти пошутила, что его там не хватает. К моему удивлению, он заинтересовался – Университетом, учебным и научным направлениями кафедральной работы, приехал на конференцию, а потом и остался преподавать, проработав с нами около пятнадцати лет. 15 февраля 2019 г. его не стало. А в Университете теперь есть аудитория его имени.

Сегодня, когда кафедра уже второй год живет без профессора Назаретяна, все более очевидно, что заменить его некем, да и невозможно. Космос его интеллекта, обаяние личности, огромная эрудиция, дружеская готовность к участию во всех общественных делах делали Акопа Погосовича любимым членом коллектива.

За свои 70 лет А. П. Назаретян многое успел, он – доктор философских наук, кандидат психологических наук, эксперт РАН. Параллельно с университетом «Дубна» он руководил Центром Мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, читал лекции в МГУ им. М. В. Ломоносова, РАГС, в других университетах России, куда его охотно приглашали. Часто выезжал за рубеж на конференции и для чтения лекций в странах Западной Европы и Латинской Америки, свободно владея английским и испанском языками. Последнее его турне по Латинской Америке осуществилось за несколько месяцев до ухода из жизни. Темы касались проблем культурной антропологии, политической психологии, психологии стихийного массового поведения; методов социального прогнозирования; психологии социальной безопасности. Он консультировал политических лидеров различного уровня в России, СНГ и других странах по вопросам проведения избирательных кампаний, предотвращения и оперативного устранения социальных конфликтов. Но главной темой последних десятилетий была Универсальная история.

В 1991 г. он опубликовал одну из первых концепций Универсальной истории («Мегаистория», Big History), которую продолжал далее разрабатывать в рамках системно-синергетической модели. Такой подход позволил выявить ряд фундаментальных преобладающих векторов и механизмов, реализующихся в различных сферах и на различных

стадиях универсальной эволюции: правило избыточного разнообразия, закон иерархических компенсаций, закон техно-гуманитарного баланса и др. Редкая работа по проблемам техносферы, развития сложных социокультурных систем обходится без обращения к этим категориям.

А. П. Назаретян основал и до последних дней являлся главным редактором журнала «Историческая психология и социология истории», в редколлегию которого пригласил и меня, сам входил в редколлегии ряда ведущих научных журналов. Его работы были переведены на английский, испанский, японский языки. Ему нравилась научно-популяризаторская деятельность на радио и телевидении. Однажды мы даже оказались приглашены в одну и ту же программу на ОТР в цикле «Большая наука», где обсуждалась проблема времени. Но сами узнали об этом, лишь столкнувшись лицом к лицу на студии в Останкино.

Акоп Погосович – один из самых цитируемых российских исследователей. Он - автор около 370 публикаций, включая монографии и учебные пособия. На моей книжной полке – 6 его книг [2; 3; 4; 5; 6; 7]. И еще одна, которая мне особенно дорога. Как хорошо, что я увлекла коллегу идеей создания учебника для магистрантов и аспирантов по истории, методологии и философии науки и техники, и он написал туда целую главу. Учебник, в котором третьим соавтором стал другой крупный ученый, Виталий Георгиевич Горохов, вышел в издательстве «Юрайт» и переиздается ежегодно [1].

Глава, написанная Назаретяном, не носит, как это часто бывает, сугубо учебного характера, то есть, когда автор транслирует уже устоявшееся в науке знание. Это был его собственный подход и собственный взгляд. Если честно, она немного выбивалась из общей канвы нашей книги, когда передо мной стояла проблема ее редактирования. Но теперь, пролистывая этот текст, понимаю, как этот материал уместен в логике философии и методологии науки.

Назаретян концентрирует внимание на процессах дифференциации и интеграции, происходящих в современной науке, для чего рассматривает их через призму истории, выявляя последовательность и логику в смене типов миропонимания. При этом выясняется, что смена миропонимания во многом сопряжена с представлениями о причинности и целенаправленности, субъекте и объекте, хотя сами эти категории обозначились лишь на достаточно поздних этапах культурного развития. В этом подходе вновь и вновь проявилось панорамное мышление Акопа Погосовича, его поразительная эрудиция и парадоксальность аналогий. Апеллируя к Л. Леви-Брюлю, который ввел понятие «дологическое мышление», вызывавшее множество споров в первой половине прошлого века, он отталкивается от понятия синкретического, нерасчлененного мышления и приводит хрестоматийный пример:

«Люди первобытного племени заявляют: «Мы львы» – и настаивают на том, что они не «как львы», не «похожи на львов», а именно являются львами. «Но ведь вы – люди?» – недоумевает европейский собеседник. «Да, мы люди, но мы – львы». Кажется, они не чувствуют противоречия между утверждениями, что некто есть человек и в то же время – лев. В наше время такой способ выражения, парадоксальный и аллегоричный, свойствен художникам и поэтам: «Речка движется и не движется...». Свойствен он также маленьким детям и людям в возбужденном эмоциональном состоянии («Женская логика?»). Научное же и даже здоровое обыденное мышление нетерпимо к таким противоречиям и стремится их избегать.

На этом основании Леви-Брюль и его последователи доказывали, что первобытный человек нечувствителен к логическим противоречиям и вообще мыслит помимо всякой (во всяком случае, «аристотелевской») логики. Оппоненты возражали по-разному, но самый остроумный аргумент привели лингвисты. Они обратили внимание на относительную бедность лексической и понятийной структуры первобытного языка. В нем отсутствует, например, абстрактное понятие «храбрость» как свойство, отъемлемое от носителя. Поэтому там, где современный европеец может сказать: «Мы храбры, как львы, а они трусливы, как зайцы», – туземец говорит: «Мы львы, а они зайцы». Только таким образом он способен на своем языке выразить сходство качеств, наделить предмет свойством, присущим другому предмету» [1, с. 288-289].

В синкретическом мышлении, по существу, «не различаются *причина* и *цель*, а тем более – *субъект* и *объект*. Не различаются – потому, что все объекты наделены качествами, которые мы бы теперь назвали субъектными (и субъективными) качествами, а причинами всегда служат субъективные намерения» [1, с. 290]. Проследив соотношение объекта и субъекта на всех этапах развития научного знания, он определяет субъектность, как существенную характеристику постнеклассического его этапа: методологически рефлексирована неразрывная связь объекта и субъекта знания и то обстоятельство, что наблюдатель всегда имеет дело с реальностью не непосредственно, а через посредство культурно обусловленных *метафор*. То есть, субъектность современной науки, отличаясь от субъектности дологического мышления, обогащена и опосредована культурой.

Другая характерная черта постнеклассической науки – в сближении причины и цели, но и здесь это проявляется, разумеется, иначе, чем на ранних этапах синкретического мышления. Главное, к чему устремлена научная мысль, и вокруг чего организуется научное знание – это попытка разрешить те проблемы, которые накопила человеческая цивилизация, выйдя на очередной виток кризиса. В качестве примера А. П. Назаретян называет экологию. Это «не отдельная дисциплина, а проблемное поле, работа в котором требует знания

термодинамики и энергетики, биологии, этологии, социологии и психологии» [1, с. 345]. Эта же особенность «относится едва ли не к любой масштабной проблеме, от чисто теоретических (эволюция, антропогенез и т.д.) до сугубо практических (энергообеспечение и энергосбережение, перепроизводство или товарный дефицит, разработка политических и экономических стратегий и т.д.) – все они теперь осознаются как проблемы междисциплинарные» [1, с. 345].

В этом поле – постдисциплинарного, или проблемного знания и развивается международный исследовательский проект Универсальной истории (в англоязычных странах *Big History*, в испаноязычных – *Megahistoria*, в германоязычных – *Weltallgeschichte*), к разработке и внедрению которого в университетское образование Назаретян приложил немало усилий, включившись в этот проект и представляя в нем Россию.

Вектор моего научного интереса не всегда совпадал с назаретяновским, различались и некоторые оценки исторических событий и процессов. Но был один вопрос, к которому мы шли разным путем (Акоп Погосович – через Универсальную историю, я – через философию техники и инженерного образования), но сошлись в общей точке. Точке, которая была обозначена им как закон техно-гуманитарного баланса. Кажется, впервые он формулирует его как гипотезу в работе 2001 г.: «Растущий технологический потенциал делает социальную систему менее зависимой от состояний и колебаний внешней среды, но вместе с тем более чувствительной к состояниям массового и индивидуального сознания» [7, с. 99]. Он возвращался к этой идее вновь и вновь в работах, изданных в разные годы, помещая ее в разные контексты, подчеркивая углубление угрожающего дисбаланса «между ускоренно развивающимися технологиями и снижающимся качеством гуманитарной культуры» [4, с. 130]. И вывод, который напрашивается из этого закона – об универсальном естественном отборе цивилизаций. Механизмом отбора жизнеспособных носителей разума может в таком случае служить уже известный нам закон техно-гуманитарного баланса: субъекты, не сумевшие совладать с возрастающим инструментальным могуществом, выбраковываются из дальнейшего эволюционного процесса, подорвав основы собственного существования... И только мудрый интеллект имеет шанс стать универсальным [6, с. 261].

Интересно, что и в этой, и в других работах Акопа Погосовича всегда угадывалось и проявлялось его профессиональное психологическое начало. Так, описывая античное мировоззрение, он подчеркивал, что это мировоззрение сочеталось с эмоциональными настроениями и ожиданиями: «Ионики, материалисты, как правило, пессимистичны, ибо полагали, что мировая гармония – результат слепого случая, и тот же слепой случай способен в любой момент разрушить этот мир. Так рассуждал, например, Гераклит, который скорбел о

грядущем развале мироздания, превращении его снова в «кучу мусора», из которого он и образовался. Не случайно современники называли этого философа Плачущим. У италиков же мир организован разумным началом, которое вечно уберегает его от разрушения. Оттого они более жизнерадостны, оптимистичны» [1, с. 293]. Вместе с тем, его эрудиция и познавательная энергия выходила далеко за пределы социально-гуманитарного знания. Его интересовал космос в самом широком смысле этого слова – от Метагалактики до микроструктур Вселенной. И вся информация «шла в дело», которым было построение интегральной эволюционной картины мира, включающей историю космической Вселенной, жизни, общества, культуры и разума как органические фазы и составляющие единого процесса. Ни много, ни мало.

В подборке, посвященной памяти профессора Назаретяна, еще 3 статьи. Их авторы: Е. Сажинко – его аспирантка, не успев защититься при жизни своего научного руководителя, все же довела дело до конца – уже с моей помощью (думаю, Акоп Погосович был бы нами доволен); Л. Карнацкая – его коллега, психолог, большой друг и помощница во многих делах; И. Шимон – коллега, профессор нашей кафедры, с размышлениями о значении наследия Назаретяна.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г., Горохов В.Г., Назаретян А.П. История, философия и методология науки и техники: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. Н.Г. Багдасарьян. М.: Издательство Юрайт, 2014. 2020. 383 с.
2. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
3. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
4. Назаретян А.П. Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН, 2018. 260 с.
5. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 160 с.
6. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование): 2-е изд. М.: Мир, 2004. 367 с.
7. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М.: ПЕР СЭ, 2001. 239 с.

Bagdasaryan N.G. Universal History as a Way of Life

We consider the legacy of A.P. Nazaretyan, a thinker of an extremely wide range, one of the developers of the international research project of Universal History (in English-speaking countries

Big History, in Spanish-speaking countries Megahistoria, in German-speaking countries Weltallgeschichte), post-disciplinary, or problem knowledge, representing Russia in it. He has made many efforts to introduce the concept into university education, in particular, reading a course at Dubna University. His chapter in the textbook for undergraduate and graduate students "History, Philosophy and Methodology of Science and Technology" on the evolution of types of worldview is discussed in detail.

Keywords: A. P. Nazaretyan, Universal History, Mega-history, Big History, Post-non-classical science, worldview, post-disciplinary knowledge

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-64-71

УДК 304

И. Я. Шимон

Вселенная Акопа Погосовича Назаретяна

Аннотация:

Статья посвящена творчеству А. П. Назаретяна, замечательного ученого, который успешно разрабатывал многие философские, социологические, исторические и психологические проблемы современной гуманитаристики; внес большой вклад в становление и развитие Универсальной истории, исследование аттракторов и сценариев дальнейшего хода мировой истории, анализ динамики современной геополитики и политического мышления. Его научное наследие – это единство прошлого, настоящего и будущего через единство всемирной истории, под которой он понимал процесс последовательного изменения дочеловеческих и человеческих сообществ от нижнего палеолита до постиндустриальной цивилизации.

Ключевые слова: история, мировая история, глобальная история, универсальная история, вероятностная история, прошлое, настоящее, будущее, политика

Об авторе: Шимон Иван Ярославович, доктор исторических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: sh.iv2015@mail.ru

Контекст Универсальной истории

Каждая эпоха имеет центр тяжести в самой себе, и каждая жизнь есть точка зрения на Вселенную. Каждый человек видит то, что видит он и не может увидеть другой. Особенно, если это Вселенная Акопа Погосовича Назаретяна, который, как мне кажется, своим словом останавливал время. Назаретяниана охватывает действительно вселенские проблемы: истоки, становление и перспективы интеллекта во Вселенной; цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории; психология стихийного массового поведения; антропология насилия и культура самоорганизации; нелинейное будущее [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Его научное наследие – это единство глобальной истории земного шара, рассматриваемой как последовательное образование, развитие и взаимовлияние планетарных сфер, в процессе которых сначала биота, а затем культура становились ведущими агентами преобразований; универсальной истории, как интегральной модели прошлого от Большого Взрыва до современности, которая в самой общей периодизации включает космофизическую, биологическую и социальную стадии; сослагательной истории, как модели прошлого, оценивающей, кроме реализовавшихся, не реализовавшиеся сценарии и, тем самым, помогающие исследовать причины ключевых событий.

Последняя по времени книга А. П. Назаретяна [3], вышедшая за два месяца до его безвременной кончины, квинтэссенция видения мира великим ученым-гуманитарием и гуманистом. Чтобы охватить ее многовекторную направленность, нужно, как минимум, написать еще одну работу. В книге автор приходит к очень важному выводу: многие специальные исследования, расчеты, проведенные за рубежом и в России, экстраполяционные оценки демонстрируют, что в настоящем веке история вступает в фазу полифуркации, за которой может последовать либо смена векторов планетарной эволюции, либо ее переход к качественно новым циклам. Глубоко исследуются автором аттракторы и сценарии дальнейшего хода мировой истории, подчеркивается мысль о зависимости перспектив Земной цивилизации от деятельности нынешних поколений, вскрываются угрожающие симптомы в динамике современной геополитики и политического мышления, которые могут привести к пагубным последствиям.

С творчеством А. П. Назаретяна я познакомился в начале 90-х гг. XX в., в период, когда Россия, после уничтожения СССР, переживала очередную в своей истории общественно-политическую деструкцию. Переживали ее и советские «гуманитарии», так как менялась парадигма всего социогуманитарного знания и надо было переучиваться. Изучал не только зарубежных гуманитариев, с творчеством которых отчасти был знаком (в советское время я любил читать книги, начинавшиеся словами «Критика буржуазных фальсификаций...», в которых они обильно цитировались, ну, а выводы можно было делать и самому), но и статьи отечественных авторов. Мне импонировали работы ученых, печатавшиеся в журнале «Общественные науки и современность», среди них я сразу выделил статьи А. П. Назаретяна, антропологический подход которого к прошлому как иному был мне близок, понятен, и я чувствовал его почти что в ощущениях: тексты были не просто словами, они были лучше слов –

транслировались мысленные образы, несравненно богаче оттенками, чем любые слова. На рубеже 80-90-х гг. XX в., в условиях нарастания социокультурного хаоса, некоторые ученые-гуманитарии становились людьми, познавшими вещество, из которого сотканы грезы. А. П. Назаретян был не из этой породы: пройдя двадцатилетнюю практику психологической подготовки партизан, подпольщиков во многих странах Африки, Латинской Америки и Среднего Востока, он из нее вылепил логику, нормы жизни и поведения, а философия, социология и история для него стали прикладными науками, орудиями, средствами усовершенствования жизни.

Назаретяниана – это исповедь, которой Акоп Погосович не только заполнял ожидания, но и оставил нам множество сценариев сохранения человеческой цивилизации. Хочется надеяться, что человечество воспользуется ими. Увы, ему не было дано увидеть плоды своих прогнозов – он ушел от нас и укрылся в вечности. А нам, живым, дай Бог, быть достойными уровня назаретяновской рефлексии. Той рефлексии, что стала первым шагом от биологического к социокультурному развитию: без нее было бы невозможно возникновение человеческой психики, мысли, разума, души и, наконец, культуры как целостного явления и достояния человека. Рефлексию можно считать импульсом возникновения и развития культуры.

«О, память сердца? Ты сильнее рассудка памяти печальной...», с этими строчками замечательного русского поэта XIX в. К. Н. Батюшкова у меня ассоциируется глубокомыслие А. П. Назаретяна, великого гуманиста современности. Через все его тексты красной нитью проходит мысль-забота о хрупкости человеческого разума. «Сумеет разум, развившийся на Земле, выйти на космически значимую стадию развития или эволюция нашей планеты останется расходным материалом Мегаистории, одной из ее тупиковых линий?» [3, с. 82]. Человеку понадобились тысячи лет, чтобы из нечленораздельных звучаний развились зачатки речи. Тысячи лет ушли на то, чтобы приручить огонь. Тысячи лет, чтобы научиться возделывать землю и собирать урожай, тысячи лет, чтобы сменить пещеру на жилище, построенное своими руками. Тысячи лет прошло до момента, когда он изобрел лук и стрелы. Что такое лук и стрела? Это начало конца. Это извилистая тропка, которая разрасталась в громовую дорогу войны. По тем временам это было оружие, триумф человеческой изобретательности. Это был зародыш атомной бомбы. Потом это изобретение станет символом образа жизни многих поколений. В нем станет таиться древняя лютая ненависть, древняя жажда крови.

«Лук и стрелы» цивилизационного прогресса

Возможно, когда-то лук и стрелы были потехой, но история заставляет пересматривать многие оценки. Если стрела – потеха, то и атомная бомба – потеха, и шквал смертоносной пыли, опустошающей целые города, – потеха, и ревущая ракета, которая взмывает вверх и падает за тысячи километров, и убивает миллионы людей... Когда-то я допускал, что человек пошел не по тому пути, что некогда, во времена темной дикости, которая была его колыбелью и детской комнатой, он свернул не в ту сторону, шагнул не с той ноги. Теперь я вижу, что это не так. Человек признает только один единственный путь – путь лука и стрел. Многие гуманисты старались направить этот мир на другой путь – путь добра и справедливости, а человек все равно изобретал новые луки и новые стрелы. Так что же – круг замкнулся? История человечества – это история ненависти? И наступит ли время, когда оружие будет изъято не только из рук убийц, но и из их сознания?

Человечество живо, на Земле еще не настала «ядерная зима» и это вселяет надежду. Определить природу человека не так просто. Люди с горем пополам научились анализировать разум, сознание человека. И думают, что познали суть человека. По Достоевскому, человек не сводится лишь к сознательному, он шире сознания. И познать человека одним умом нельзя. Совсем не случайным представляется тот факт, что Голядкин увидел свою сущность, лишь потеряв разум. Этим подчеркивается ограниченная способность разума как в познании человека, так и познание человеком бытия.

Победа разума есть победа разумных, целесообразных, здравомыслящих, знающих и понимающих экзистенцию, жизнесферу; разум же как таковой беспомощен относительно контекстом жизнезначимых, экзистенциальных. Человек, опираясь на рычаги цивилизации, породил технику, политику, индустрию. Но эти изощрения разума, продукты логической правдивости антижизненны – сеют смерть, зло. Наука обесмысливает, техника разрушает, политика препятствует.

Следует признать: разум виноват перед человечеством. Не однажды он служил безрассудству, помогал безумию, угождал глупости, выполнял волю сумасшествия. Не раз он находил казуистические доводы и ухищрялся оправдать виноватого и осудить правого. Он позволял от своего имени говорить лжи, хотя был способен сказать миру истину, находил оправдания и самооправдания для предательства, бесчестия, подлости. Он умел находить высшие мотивы для низких поступков. Разумом и добытыми им рациональными идеями оправдывались и оправдываются до сих пор дикие расправы

одной части человечества над другой, массовые убийства и насилия. Его доводы увещевали самую рационально мыслящую нацию в необходимости установления гитлеровского «нового порядка» и «американского образа жизни» военной силой. Да, у человечества есть немало оснований воздавать похвалу глупости и слать проклятия разуму, который добыл из кладовых природы высшие чудовищные силы. Они уже давно стали грозой и, неровен час, станут бедой человечества. Это он, разум, убедил совесть в том, что во имя целесообразности все дозволено, все оправдано. К. Маркс писал, что разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме. Согласимся, что в этих словах скрыт глубокий смысл: разум в форме неразумия?! Действительно, если взглядеться в историю, можно увидеть потрясающую картину изуверства, варварства, мракобесия, фанатизма, и при всем при этом – прогресс культуры.

Идея прогресса как линейного поступательного восхождения человечества к совершенству, до Вольтера, Тюрго, Кондорсе, высказанная янсенистом Николем, уподобившим общественный прогресс возрастной эволюции индивида, критики не выдерживает. Не выдерживает по причине обоюдоострости. Нарращивание индустриализма обернулось тупиками консьюмеризма; достижение независимости от природы привело к фатальной зависимости от нее; наращивание свободы повлекло разгул произвола; прогресс духа столкнулся с серьезными издержками изощрения и извращения (беспорядочность, алогизм, бессвязность, отсутствие обязательности). Отсюда, дистанцируясь от Руссо, если не смотреть на историю как на всестороннюю деградацию человечества, то по крайней мере, учась на примерах, важно проявлять сдержанность, представляя, что цивилизационная состоятельность прогрессизма ниоткуда не вытекает. Тем более перед лицом глобальных проблем современности. Тем не менее, используя «право на восстание против разума» (Мишель Фуко), человек не должен потерять при этом такое качество, как смысл. Если в обществе исчезает смысл, то возникают благоприятные условия для появления нигилизма, анархии, уничтожения любых обязательств, перед обществом, отрицание всех и всяческих норм. Мятеж, выросший из смысловой пустоты, станет мятежом «анархического освобождения» (Макс Мюллер), в ходе которого может погибнуть человеческая цивилизация.

К сожалению, человек изначально понял не разумом, а на уровне инстинкта, что природа создана для него, и сделал все для ее варварского уничтожения. Относительно недавно к нему пришло осознание того, что он сам есть только часть биосферы. Человеку хватило разума не только понять, но и перенаправить эволюцию на новый путь – путь экологического развития, перехода биосферы в ноосферу. Понятно ноосфера, как

современная стадия, геологически переживаемая биосферой, была введена французским математиком Э. Леруа и геологом Т. де Шарденом [2; 10]. Выдающийся отечественный естествоиспытатель В. И. Вернадский разработал основы учения о ноосфере [1]:

- ноосфера – это новое геологическое явление на планете Земля;
- человек впервые становится крупнейшей геологической силой;
- ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории;
- биосфера химически резко меняется человеком как сознательно, так и бессознательно;
- идет рост культурной биохимической энергии человечества;
- биосфера переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу, перерабатываемую научной мыслью социального человечества.

Учение о ноосфере активно развивается, что позволяет говорить о переходе человечества в новую эпоху, которую называют по разному: ноосферное развитие, экологическое развитие, устойчивое развитие, социогуманитарное общество, постиндустриальное общество, информационное общество. Каждое из этих названий отражают существенные черты новой эпохи. Сущностная черта новой эпохи, как нам представляется, состоит в снятии энергетического критерия прогресса (рост физического капитала) антропным (рост человеческого капитала). Иными словами человеческому разуму дан последний шанс определить эволюционный путь развития человечества, в основе которого будет находиться культура, а человек должен будет выполнить свою функцию – поддержание устойчивости не только биосферных, но и социокультурных систем на планете Земля.

Ученые-физики сформулировали антропный принцип так: мир таков потому, что мы (то есть люди) есть! Как показывает этот принцип, развитие Универсума идет по лезвию – чем сложнее система, тем больше ее подстерегают опасности, разрушения, перестройки, деструкции. Следовательно, Вселенная должна быть нестабильной системой? И в этой нестабильности формируется механизм стабильности? В процессе эволюции Универсума возникают инструменты его самопознания. Однажды возник мозг головоногих. Но такой инструмент оказался несовершенен – популяции осьминогов не смогли создать коллективной памяти и потому их развитие оказалось завершенным. Другой нам известный инструмент – человек. Развитие его индивидуального мозга прекратилось уже десятки тысяч лет назад, но он смог создать и коллективную память, коллективный интеллект, который развивается все ускоряющимися темпами. Как далеко

пойдет этот процесс, сказать трудно. А может быть, в других частях Универсума этот процесс прошел уже значительно дальше и разговор о Мировом разуме не столь уж бессмыслен? И человек в ожидании робота, который может стереть память о человеке?

В качестве вывода приведем фрагменты из текстов А. П. Назаретяна, трудно сказать лучше:

- «XXI в., весьма вероятно, ознаменуется глобальным историческим переломом, который так или иначе определит не только судьбу современной цивилизации, но и итоги миллиардов лет эволюции на Земле» [3, с. 5].
- «Синергетика учит трезвому пониманию того, что «прогрессивное» решение всегда есть выбор меньшего из зол» [3, с. 25].
- «Сегодня мало кого удивит замечание о том, что будущее, настоящее и прошлое равно даны нам в вероятностных моделях. Действительное же различие между ними в том, что, независимо от правдоподобия, одни модели имеют гарантированный «детонант», другие нет [3, с. 33].
- «Массовые беспорядки происходят не там и не тогда, где и когда люди действительно обездолены – напротив, им предшествуют периоды растущего благосостояния... Рост жизненных стандартов влечет за собой опережающий рост потребностей и ожиданий, через призму которых социальная динамика воспринимается массовым сознанием искаженно» [3, с. 77].
- «Если в близком будущем на мировой арене не обнаружится вменяемый субъект, оснащенный смыслообразующим мировоззрением и способный восстановить утерянный геополитической системой баланс, то перспектива цивилизации на нашей планете может оказаться плачевной» [3, с. 85].
- «Сегодня заигрывание с религией – это распашка почвы под все формы социального насилия» [3, с. 125].
- «Углубляется угрожающий дисбаланс между развивающимися технологическими и снижающимся качеством гуманитарной культуры... Готова ли современная культура предложить стратегические смысловые ориентиры, освобождающие от деления на «своих» и «чужих»? И успеет ли человечество их освоить?» [3, с. 130].

Библиографический список:

1. Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994. 672 с.
2. Леруа, Э. Догмат и критика. М.: Либроком, 2011. 336 с.
3. Назаретян А. П. Глобальное прогнозирование в свете мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН, 2018. 260 с.
4. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Лекции. М.: Наследие, 1996. 183 с.
5. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2008. 256 с.
6. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М.: Недра, 1991. 218 с.
7. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргмак-Медиа, 2015. 511 с.
8. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании. М.: Академия, 2005. 152 с.
9. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: Мир, 2004. 365 с.
10. Шарден Т. де. Избранные произведения. М.: Эксмо-пресс, 2009. 584 с.

Shimon I.J. Universe of A. P. Nazaretian

The article is devoted to the work A. P. Nazaretian, who was a wonderful scientist and successfully he developed many philosophical, sociological, historical and psychological problems of modern humanitarianism; he contributed to the establishment and development of universal history; study of attractions and scenarios for the further course of world history; analysis of the dynamics of modern geopolitical and political thinking.

Keywords: history, world history, global history, universal history, veracity history, the past, the present, the future, politics

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-72-76

УДК 304.5

Л. А. Карнацкая

Акоп Назаретян – человеческое в великом

Аннотация:

Статья содержит воспоминания, пронизанные глубокими эмоциями, о талантливом ученом, мыслителе и вместе с тем «обычном» человеке Акопе Погосовиче Назаретяне, который любил жизнь, свою дочь и друзей, любил собирать их у себя дома, петь на испанском языке, вспоминать свое «партизанское» прошлое в далекой Южной Америке. Всегда удивлял какой-то неземной возможностью пророческих знаний и сил без вычурной позы «мыслителя». Рядом с ним любая встреча превращалась в интеллектуальный праздник. Объемная картина мира ученого раскрывается в статье через память друга и близкого соратника.

Ключевые слова: история, мировая история, глобальная история, универсальная история, вероятностная история, прошлое, настоящее, будущее, политика

Об авторе: Карнацкая Лариса Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, Московский социально-педагогического институт (МСПИ), заведующий кафедрой Социально-психологической безопасности личности; эл. почта: larakarna@gmail.com

Сегодня Акопа Назаретяна вспоминают как незаурядную личность, ярчайшую звезду современной науки. Его научные тексты всегда поражали научной глубиной, продуманностью и необыкновенным стилистическим изяществом [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. При чтении возникала всегда мысль о многогранности его интеллекта, его познания, которым всегда было тесно в пределах какой-то одной науки. Он всегда мыслил системно, поражая объемом видения картины мира, удивлял способностью анализировать, привлекая к анализу огромные потоки информации из различных областей человеческого знания, с помощью которых осмыслял нелинейную событийность.

Глубина исторического, философского, социального, психологического охвата, стратегическое предвидение Назаретяна, достижения его научной мысли были доступны

для меня на протяжении 13 лет нашей дружбы. И на протяжении всех этих лет, часто находясь рядом с ним, я осознавала себя счастливой личностью, которой повезло вырасти как исследователю и просто как человеку в атмосфере научного поиска Акопа Назаретяна. Мне посчастливилось постоянно слушать его в одном лице как энциклопедиста, глубокого, подлинного философа и психолога современности, просто за кружкой чая, по телефону, в самолетах, в пустынях Казахстана, куда нам приходилось летать после трагических событий 2011 г. И просто слушать и слышать его в вечерних прогулках после напряженной работы в условиях масштабных социологических исследований в Мангистауской области Казахстана, после масштабного и адресного интервьюирования протестно настроенных трудовых коллективов, при проведении замеров общественного мнения и психоэмоционального состояния нефтяников и членов их семей.

В нашей «боевой дружбе», как он ее называл, я не ощущала напряженности. Он был просто человеком, шагающим и сидящим рядом, с которым можно было делиться личными проблемами и слушать о его неурядицах в жизни. Конечно, я знала о его величии в науке, но для меня он был просто другом, Акопом, и рядом с ним я была просто собой. И я благодарна ему за это его умение просто быть рядом, говорить об умных и сложных научных вещах легко и одновременно благородно и доступно, избегая мудреной лексики. От общения с ним оставалось ощущение легкости бытия, лишеного какого-либо научного пафоса. Его действительно искренне волновала судьба человечества, цивилизации. Он считал и хотел доказать, что разум человека, его мысли-формы управляют вселенной и могут предотвратить глобальную катастрофу, к которой движется, не желающая осознанности, современная цивилизация. Он глубоко переживал ошибки и несовершенство современного общества, которое ставит под угрозу свое собственное существование. Рассматривая всю историю человечества через призму закона техно-гуманитарного баланса, и, конструируя модель будущего, Назаретян исключал противостояние «свой-чужой», «мы-они». Хотя он избегал жестких, однозначных предсказаний, ставя акцент на проблеме морального выбора, я все же боялась, что Акоп может стать пессимистом, думая о том, что цивилизация не сможет справиться с надвигающейся сингулярностью, и поэтому, часто слушая его, вставляла фразу: «ну ты же сам говорил: self-fulfilling prophecy».

Атмосфера, которую он создавал вокруг себя, напоминала 60-70 гг. XX столетия. Всегда кто-то жил рядом с ним, друзья, коллеги, всегда он кого-то выручал, всегда собиралось «дискуссионное» застолье, где он играл, пел на испанском языке и

рассказывал о своих боевых, партизанских событиях в Южной Америке, возвращаясь, вновь и вновь, к вопросу влияния человеческого сознания на развитие Вселенной. Однажды в Казахстане нам подарили национальные костюмы. Свой я так ни разу и не надела. Зато национальный казахстанский костюм Акопа стал непременным атрибутом при встрече гостей, которых он мог приветствовать даже не у двери своей квартиры, а у двери своего подъезда, потому что каждый знакомый человек был для него человеком с большой буквы.

Звучащий Назаретян – это удивительное явление: тема беседы о будущем цивилизации каждый раз предстает как в первый раз, хотя ты уже это слышал, но каждый раз - это вдохновенный монолог, всеобъемлющий, от сердца. Он горел в своем говорении, боясь не успеть, торопился, что-то бегло проговаривая, как будто его мысли, его тексты уже давно всем известны. Он торопился..., ему надо было успеть разбудить мир, и не только через книги, но и в диалоге с отдельным человеком. Кто перед ним: ученый или просто рабочий, нефтяник, студент - это для него было неважно. В таких ситуациях в моей памяти всплывал текст Николая Рериха: «Я видел святого, преклонившего колени перед алтарем и пьяного, валяющегося в канаве, но я не нашел между ними различия. Я понял, что каждый стремится, как он может, выразить Единую жизнь. Я не стану выделять или разделять, ... ибо я знаю – человек в своей сути един во всех» [2]. И для Назаретяна человек был един во всех, и был, непременно, значим.

Я всегда замечала, что у простых людей, с которыми общался Акоп, никогда не возникало ощущение, что рядом – великий человек, великий ученый, чьи прогнозы, основанные на научных фактах и глубоком познании устройства мира, недостаточно понятны современникам, а значит и недооценены. Его мультидисциплинарная синергетическая методология и космополитические устремления в сторону внешней политики России, которой он отдавал ведущую роль на планете в сохранении устойчивости глобальной геополитической системы, увы, так и не были востребованы на уровне власти. Эту ситуацию он переживал, потому что считал перевертыш в информационной стратегии с национальных интересов в сторону государственной пропаганды космополитизма, основной задачей России, для которой смещение акцента с патриотического на космополитическое направление дало бы возможность, с его точки зрения, повысить привлекательность российской политики в мировом общественном мнении. Но он не обижался, ощущая отчасти недостаточную востребованность.

Он всегда работал. Он не любил отдыхать, путешествовать, он любил дома и вдали от дома работать. Однажды нас пригласили коллеги из Гуманистического

Интернационала на открытие парка Атиглиано. Когда закончилось торжественное открытие парка, где мы выступили с докладами, я, почувствовав возможность путешествовать, радостно предложила ехать в Рим, но для Акопа мое предложение оказалось неинтересным. И все же мой энтузиазм победил, мы бродили по Риму несколько часов, и все эти несколько часов Назаретян неустанно читал свои стихи и стихи великих поэтов. А я не уставала восторгаться его поэтическому таланту и безграничной памяти в любой области человеческого знания.

Грандиозный мыслитель с независимым мышлением и одновременно обычный человек, он удивлял какой-то нездешней, какой-то неземной возможностью пророческих знаний без гордыни и пафоса, без вычурной позы «мыслителя», которого реально волновали глобальные смыслы и будущее планеты, и рядом с которым любая встреча превращалась в интеллектуальное пиршество. Для меня он был настоящим боевым другом 13 лет, другом, на которого можно было положиться в трудную минуту, зная, что поддержка будет, и она была в виде моментальной отзывчивости, дружеской надежности. Однажды, когда мы обсуждали одну из трудных моих личных жизненных ситуаций он произнес: «Я за тебя боюсь». И я знала, что это действительно так, боится, переживает.

Последнее время он много говорил о смерти. Но не верилось. Он не боялся ее, просто хотел «если смерти, то мгновенной...». Для него физическая смерть была иллюзией. Он считал, что умирая физически, человек сохраняет во Вселенной энергию и материю, оставаясь в человеческой культуре, памяти и каждый достигает «семантического бессмертия» в разной степени выраженности. После каждого разговора по телефону всегда просил: «Помолись за меня!». Я старалась шутить в трубку и говорила: «Ты же в Бога не веришь!», но молилась. Ах, если бы верилось, может тогда я встречалась бы с ним чаще, записывала бы его научные монологи, куда включались озарения замечательного ученого, которые он способен был испытывать в ходе своих размышлений. И все же осталось тягостное ощущение, что при жизни он не был понятым соотечественниками, что был недооцененным именно в своей стране. А ведь не на словах, а действительно на деле, он был человеком Вселенной, который осознавал груз ответственности за страну, за будущее Земли, продумывал шахматные шаги в разворачивании хода истории для благостного пути развития человечества, видел какую важную роль могла бы сыграть сегодня внешняя политика России для сохранения устойчивости глобальной геополитической системы.

Очень хочется верить, что его вклад в будущее Земли уже состоялся и торжественный штиль Тредиаковского прозвучал в его имя: «Российску нэбу ты – солнце ясно!». Self-fulfilling prophecy!

Библиографический список:

1. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Лекции. М.: Наследие, 1996. 183 с.
2. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2008. 256 с.
3. Назаретян А.П. Глобальное прогнозирование в свете мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН, 2018. 260 с.
4. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М.: Недра, 1991. 218 с.
5. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргмак-Медиа, 2015. 511 с.
6. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании. М.: Академия, 2005. 152 с.
7. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: Мир, 2004 – 365 с.;
8. Рерих Н.К. Письмена. М.: Профиздат, 2009. 256 с.

*Karnatskaya L.A. **Hakob Nazaretyan - human in greatness.***

The article contains memories, permeated with deep emotions, about the talented scientist, thinker and at the same time "ordinary" person Akop Pogosovich Nazaretyan, who loved life, his daughter, friends, loved to collect them at home, sing in Spanish and remember his «partisan» past in faraway South America. Always amazed with some unearthly possibility of prophetic knowledge and powers without the pretentious pose of a "thinker". Near him, any meeting turned into an intellectual holiday. The three-dimensional picture of the scientist's world is revealed in the article through the memory of a friend and close associate.

Keywords: history, world history, global history, universal history, probabilistic history, past, present, future, politics

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-12-77-82

УДК 304.5

Е. В. Сажиевко

Прогностические идеи А. П. Назаретяна: два года спустя

Аннотация:

В статье рассматриваются идеи Акопа Погосовича Назаретяна, изложенные им в книге «Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики», вопросы взаимодействия и конкуренции государств, места и роли России в современном мире, необходимости создания глобальной идеологии, высшей ценностью которой станет сохранение планетарной цивилизации. Проводится анализ их актуальности спустя два года после публикации сборника очерков с учетом всех изменений, произошедших в глобальной системе. Делаются выводы о том, что многие события выглядят вполне закономерными в рамках созданной им модели, несмотря на серьезные отличия социальных реалий 2020 г. от 2018 г.

Ключевые слова: глобальное прогнозирование, планетарная цивилизация, Мегаистория, пандемия, идеология

Об авторе: Сажиевко Екатерина Владимировна, кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна»; эл. почта: cuore-87@mail.ru

Акоп Погосович Назаретян еще с 1990-х гг. интересовался глобальным прогнозированием, прогностическими возможностями Мегаистории и синергетики [1]. Книга представляет собой и продолжение, и некий итог его размышлений и исследований. Это сборник из одиннадцати очерков, отражающих концептуальные положения статей, опубликованных им с 2013 по 2018 гг. в различных российских и иностранных журналах.

В одном очерке рассматривается проблема середины XXI в. и эволюционная сингулярность, в другом – значение большевистской революции в мировой и отечественной истории, в третьем – перспективы мирного взаимодействия и сосуществования народов Закавказья. А, например, очерк, открывающий книгу, посвящен вопросам методологии прогнозирования в парадигме постнеклассической

науки. В нем наглядно демонстрируются преимущества синергетического подхода к прогнозированию, позволяющего включить в контекст универсальной модели «сведения о специфике исследуемой системы, о ее состоянии и текущих тенденциях» [1, с. 22].

Он был категорически не согласен с выводами ученых, готовивших знаменитый доклад Римскому клубу о том, что антропогенное воздействие на биосферу беспрецедентно велико. Факты из истории и предыстории человека наглядно свидетельствуют о том, что именно переполнение экологической ниши, отведенной для человека, обладающего тем или иным уровнем технологий, как раз и становилось причиной глобальных эволюционных кризисов.

Но «это обстоятельство (прим. автора: деятельность человека стала определяющей для планеты) приводится вкупе с подъемом авторитаризма и фундаментализма, глобальным потеплением и угрозой ядерного конфликта, читатель должен понять, что растущее влияние человека – тенденция сугубо негативная» [1, с. 167]. И да, весной этого года мы все могли наблюдать, как быстро меняется даже городская среда, если в ней ослабляется влияние и присутствие человека. Кадры с дельфином, заплывшим в загрязненные миллионами туристов венецианские каналы, думаю, запомнились многим. Но человек с его хозяйственной деятельностью давно стал частью планеты, поэтому не стоит воспринимать антропогенную нагрузку на биосферу исключительно как негативное явление.

В седьмом очерке Аноп Погосович рассуждает о внешней политике России, ее образе в других странах, о недочетах информационной политики. В первую очередь, он обращает внимание на то, что упор делается на идеи национализма и патриотизма, что мешает созданию позитивного образа за рубежом, поскольку рассчитано исключительно на внутреннюю аудиторию. Таким образом, события на Украине, их информационное и идеологическое сопровождение позволили вернуть Крым. Но из этих событий можно было извлечь большую выгоду, если бы акцент в пропаганде был смещен с идеи «русского мира» на идею антифашистской борьбы. Тогда Россия получила бы мощную поддержку представителей левых движений многих стран.

Именно невнятная формулировка целей «на деле только подкрепляет в сознании западного обывателя желательный для оппонентов образ большой экспансионистской России, терзающей слабую Украину» [1, с. 139]. Проходит время, кардинально изменились условия жизни в мире, но пропаганда патриотизма так и не сходит с телеэкранов. Ошибки остаются неисправленными. Так и не пришло осознание того, что идеология, нацеленная на взаимодействие и совместную деятельность по сохранению

цивилизации, намного более перспективна. А ведь 2020 г. мог бы стать удачным периодом для смены идеологического курса. Еще два года назад Акоп Погосович писал: «Если в близком будущем на мировой арене не образуется вменяемый субъект, оснащенный эффективным смыслообразующим мировоззрением и способный восстановить утерянный геополитической системой баланс, то перспектива цивилизации на нашей планете может оказаться плачевной» [1, с. 85]. Но предупреждения современных ученых и философов по-прежнему остаются неслышанными...

Стоит отметить, что такую идеологию не взяла на вооружение ни одна страна. В США еще на этапе разработки вакцины заявили, что не будут ее продавать до тех пор, пока полностью не удовлетворят спрос на внутреннем рынке. Поэтому и вопрос о том, «что способна сделать та или иная страна для обеспечения жизнеспособности планетарной цивилизации» [1, с. 147], так и остается невостребованным и не актуализированным ни одним из ведущих политиков мира. А в нашей стране так и не приходит понимание того, что «решающий рост эффективности РФ на международной арене был бы обусловлен смещением акцентов во внешнеполитической риторике с «национальных интересов» на актуальную общечеловеческую тему: восстановление устойчивости глобальной геополитической системы» [1, с. 149]. Поэтому официальная пропаганда по-прежнему базируется на оборонительной идеологии патриотизма. С течением времени становится все более заметным, что такие постулаты, как и весьма странно выстроенные политические ток-шоу на крупнейших телеканалах, только усугубляют обстановку в России. Акоп Погосович писал о том, что «вместо того чтобы привлекать активных сторонников за рубежом, непродуманная пропаганда углубляет раскол внутри страны» [1, с. 151]. Сейчас раскол стал еще более глубоким, а уровень эмоционального накала споров среди самых ярых сторонников патриотизма и либерализма заставляет сомневаться в приемлемости подобного рода дискуссий. Пропагандисты же в интернет-пространстве давно пересекли грань корректных и аргументированных споров о будущем России, и перешли на личные взаимные оскорбления, но «стратегический курс на сохранение планетарной цивилизации в XXI в. и его грамотная информационная раскрутка сделают действия российского руководства более привлекательными для демократической общественности как внутри, так и вне страны» [1, с. 149].

Автор рассматривал геополитическую ситуацию, сложившуюся после распада Советского Союза как патологию полюсов (когда освободившийся полюс силы привел к снижению устойчивости системы и к попыткам заполнить свободную нишу,

предпринимаемым террористическими организациями). А. П. Назаретян писал: «Появление же «Путинской» России можно рассматривать как системный эффект: глобальная геополитическая система, оказавшись в угрожающей ситуации <...> начала воссоздавать недостающий элемент – независимый центр силы, в принципе способный восстановить ее устойчивость» [1, с. 141].

Говоря о психическом заражении, психической эпидемии и ее роли в современном мире, автор отмечал, что «сегодня она далеко превосходит по возможным последствиям для мирового сообщества распространение болезнетворных микроорганизмов, прежде всего потому, что очень слабо осознается» [1, с. 146].

Эх, Акоп Погосович, если бы Вы знали, насколько справедливы эти слова спустя два года после публикации, когда не совсем понятно, что же сильнее изменило наш мир: сам коронавирус или панические настроения и эмоциональные переживания, им вызванные. Самое интересное, что большинство социальных и психологических проблем, спровоцированных пандемией COVID-19, одинаковы для многих стран. Но даже общий враг (общая беда), образ которого со времен палеолита позволял сплотить различные социальные общности, сегодня оказался не способен объединить разобщенное человечество хотя бы для решения конкретных тактических задач.

При этом правительства разных стран большое внимание уделяют борьбе с коронавирусом, принимают различные меры для снижения темпов его распространения, снижения нагрузки на медицинский персонал, но психологическое состояние населения в большинстве случаев остается вне поля обсуждений. Единственное событие, когда власти обратили внимание на этот вопрос, произошло еще в марте 2020 г. и было связано с началом массовой паники и закупкой товаров первой необходимости. Но у месяцев самоизоляции, экономического спада, роста безработицы непременно проявятся более долгосрочные последствия, например, рост недовольства среди населения.

А. П. Назаретян предупреждал о том, что нельзя исключать психологию из прогнозных моделей. Он писал: «Психология – дама преехидная. Она посмеивается в платочек до тех пор, пока мы, забыв о ней, рассуждаем о прошлом и полученные выводы трудно подвергнуть попперовской процедуре «фальсификации». И хохочет до слез при попытке без консультации с ней заглянуть хоть чуть-чуть вперед» [1, с. 21]. Складывается ощущение, что либо понимание этого так и не наступило, либо пиар-кампании в поддержку даже социально-ориентированных решений руководства проводятся крайне неумело. Поэтому даже неплохие решения вызывают волны негативных реакций.

Большой упор делается на минимизацию экономических последствий пандемии, но только «в спокойные периоды экономические мотивы и соображения могут до известной степени способствовать адекватному прогнозу политических решений, однако с приближением кризисной фазы собственно экономическое уходит на задний план. Экономика мифологизируется, т.е. превращается в набор наивных мифов, рационализирующих деструктивные настроения» [1, с. 79]. Современную ситуацию сложно охарактеризовать как спокойный период, на бытовом уровне уже появляются признаки мифологизации экономики, непонимания того, что у разных государств разные экономические возможности. Поэтому опасность недооценки массовой психологии возрастает с каждым днем.

Все-таки видится правильным при оценке последствий пандемии учитывать не только экономический фактор, но и настроения, интересы и амбиции населения, общественное мнение о вопросах, связанных с распространением коронавирусной инфекции и мерах борьбы с ней.

Одним из краеугольных камней концепции Акопа Погосовича Назаретяна можно считать вопрос: «Сумеет разум, развившийся на Земле, выйти на космически значимую стадию развития или эволюция нашей планеты останется расходным материалом Мегаистории, одной из ее тупиковых линий?» [1, с. 82]. Он полагал, что ключевую роль в этом должно сыграть умение выстраивать смыслы вне религиозных и квазирелигиозных учений, способность не обращаться к образу общего врага для повышения сплоченности внутри социальной группы.

Что мы видим сегодня? Сплоченности не удалось добиться (да и едва ли кто-то всерьез к этому стремился) даже перед лицом всеобщей опасности. Перспективы эволюционного развития цивилизации остаются весьма неопределенными и не дают поводов с оптимизмом смотреть в будущее.

Ключевое требование к преодолению нарастающих проявлений системного кризиса заключается в насущной необходимости сформировать у значительной части населения критическое мышление, способность выходить за рамки национальных и личных интересов, что позволит вырваться из-под влияния религий и идеологий всех мастей. Он писал о том, что «ценность сохранения планетарной цивилизации наиболее приемлема для незамутненного идеологиями ума» [1, с. 193].

В последнем, одиннадцатом, очерке Акоп Погосович привел примерную концепцию международной учебной программы «для популярного обсуждения глобальных сценариев с демонстрацией нераздельной судьбы человечества в обозримом

будущем» [1, с. 215]. В общий план программы автор предлагал включить три крупных тематических блока: Мегаисторию, призванную показать взаимосвязь космической, биологической и социальной эволюции; обзор мировой истории от появления австралопитеков до сегодняшнего дня с акцентированием зависимости между технологической и гуманитарной составляющей развития; а также глобальное прогнозирование и анализ возможных аттракторов и соответствующих им прогнозных сценариев.

Несмотря на тревожные предупреждения, все-таки кажется, что концепция А. П. Назаретяна проникнута верой в человека и его силы, надеждой на то, что он сможет преодолеть очередные кризисные явления и выйти на следующий эволюционный этап. «Бесспорно, культурные дисбалансы способны форсировать глобальное саморазрушение, заведя эволюцию в окончательный тупик, но, вместе с тем, только человеческое творчество способно обеспечить подлинную перспективу планетарной эволюции» [1, с. 180]. Именно творчество и перспективы развития человеческого разума представляют собой единственную возможность для успешного преодоления эволюционной сингулярности в направлении вертикального странного аттрактора (устойчивого состояния на более высоком уровне сложности взаимодействия системы с внешней средой).

Библиографический список:

1. Назаретян А.П. Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН, 2018. 260 с.

Sazhienko E.V. Forecasting ideas of Akop Nazaretyan: two years later

The article examines some of the Akop Nazaretyan's ideas, which he outlined in the book «Global Forecasting in the Light of Big History and Synergetics». The relevance of his ideas is analyzed taking into account all the changes that have occurred in the global system over the last two years. Social realities have changed a lot in this short time, but many events look logical within the model, which was created by Akop Nazaretyan. In addition, we examined the issues of interaction and competition between states, the place and role of Russia in the modern world, the necessity to create a global ideology, the highest value of which will be the preservation of global civilization.

Keywords: global forecasting, global civilization, Big History, pandemic, ideology